

Д. ШИМОХИН

В. КОЛЛИНГВУД

ГОСПОДИН
ТАРАНОВСКИЙ

Подкидыш

Дмитрий ШИМОХИН
Господин Тарановский

«автор»

«Автор»

2026

Шимохин Д.

Господин Тарановский / Д. Шимохин — «автор», «Автор»,
2026 — (Подкидыш)

«Он – самозванец и бунтовщик!» Меня приперли к стенке. Вся моя
многомиллионная империя держится на чужом имени. Думаете, это конец?
Пришло время доказать, что «Господин Тарановский» – это уже не маска, а
приговор. Мой приговор врагам.

© Шимохин Д., 2026

© автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Шимохин, Виктор Коллингвуд

Господин Тарановский

Глава 1

«Он – самозванец и бунтовщик!» Слова повисли в стылом уральском воздухе, острые и тяжелые, как топор палача. «Он – не тот, за кого себя выдает». Вокруг недостроенного барака, пахнувшего смолой и мерзлой землей, воцарилась звенящая тишина. Даже ветер, казалось, замер в голых лиственницах.

Секунда. Две.

И тишину разорвал натуральный звериный вой.

– *Холера ясна!* – взревел Сакульский, брызжа слюной. Его глаза горели лихорадочным, безумным огнем. – Самозванец! *Здрайца!* Панове, глядите! Этот клятый москаль, *пся крев*, этот *кундель* украл имя героя, чтобы предать нас снова!

Как по команде, серая река арестантов всколыхнулась. Сотни голов в каторжных шапках повернулись в мою сторону, и в глазах, еще минуту назад пустых и выгоревших, зажегся огонек злой, отчаянной надежды.

– Господа офицеры, взять наизготовку! – выкрикнул молодой поручик Кравченко, командующий конвоем. Солдаты неуверенно подались вперед, лязгнули приклады ружей, строй солдат ошетинился штыками, создавая хрупкий барьер между мной и этой готовой взорваться толпой.

Я стоял недвижим, словно мороз вплавил мои сапоги в промерзшую землю. Не оглянулся на своих казаков, не шевельнулся. Весь мой мир сузился до одного человека – этого поручика, бледного мальчишки, на чьих плечах вдруг оказалась судьба государственного проекта.

– Поручик, – голос мой прозвучал спокойно, почти лениво, но резал воздух почище златоустовского клинка. – Вы позволили каторжному сброду устроить балаган на вверенном вам объекте. Немедленно наведите порядок, или я буду вынужден доложить о вашей вопиющей некомпетентности напрямую в Пермь. Губернатор, уверяю вас, будет не в восторге!

Кравченко вздрогнул. Он разрывался на части – между вбитым в кровь уставом и почти-тельным страхом перед моим чином, перед убийственной уверенностью в моем голосе.

– При всем моем уважении, господин статский советник, – промямлил он, не сводя с меня взгляда, – обвинение в ваш адрес... Оно слишком серьезно. Мой долг...

– Ваш долг, поручик, – отчеканил я, делая шаг к нему, – обеспечить порядок. А вы позовете двум бунтовщикам, чьи показания противоречат друг другу, устраивать здесь цирк.

– Это правда! Он самозванец! – вновь выкрикнул с места спокойный и веский голос Анджея Вержбовского. – Я знал Тарановского! Настоящего!

Этот спокойный голос подействовал на Кравченко сильнее всех воплей Сакульского. Он решился.

– Мой долг, – повторил он уже тверже, – доложить обо всем становому приставу в Троице. А до его прибытия... вы, господин Тарановский, будете находиться под моей охраной.

Завуалированное «вы арестованы» прозвучало как выстрел. Мои казаки, стоявшие поодаль, напряглись, но не двинулись с места. Они – наемники, а передо мной был офицер Империи, действующий по уставу. Они не посмеют вмешаться.

Я понял, что проиграл первый раунд. Теперь нужно было минимизировать потери.

– Хорошо, поручик, – кивнул я с презрительной гримасой. – Следуйте уставу, раз уж собственной головой думать не обучены. Но я – статский советник, а не бродяга, чтобы ночевать

в этом бараке. Вы доставите меня в Троицу, и поместите в лучшем доме, какой там найдется. Я буду ждать станового пристава там. Это не просьба – это приказ, соразмерный моему чину.

Поручик с видимым облегчением ухватился за этот компромисс. Ему не придется бросать меня в камеру к уголовникам, рискуя нарваться на гнев начальства, если все это окажется ошибкой.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – козырнул он.

Меня и двух моих казаков отделили от остального каравана. Несколько солдат из конвоя теперь следовали за нами. Перед тем, как сесть в экипаж, я обернулся и посмотрел Сакульскому прямо в глаза. Я не сказал ни слова, но во взгляде моем была вся та бездна сибирских рудников, из которой я вылез. Поляк не выдержал и отвел взгляд.

Я ехал в Троицу под конвоем один. В моей голове с лихорадочной скоростью стучал механизм расчета. Соколов в Перми. Ничего не знает. Исправник первым делом отправит депешу в Пермское жандармское управление. Телеграф. Мне нужно опередить телеграф. Во что бы то ни стало связаться с Соколовым раньше, чем донесение о моем аресте ляжет на стол в губернском центре.

Экипаж остановился у лучшего дома в селе, принадлежавшего местному батюшке. У двери тут же встали два солдата с ружьями.

За дверью стихли шаги. Ключ в замке повернулся с сухим, резким щелчком, будто переломили кость. Затем по коридору проскрипели тяжелые, размеренные сапоги часового – гвоздями вбиваясь в тишину и отмеряя периметр моей клетки. Мышеловка захлопнулась.

Делать было нечего – придется ждать исхода! Я осмотрелся по сторонам, и, подойдя к окну, замер, глядя на унылый задний двор. Мысли метались, как мыши в пустом амбаре, в который кто-то вошел с факелом. Как же неудачно все получилось!

Первое. Соколов в Перми. И он в полном неведении. Второе. Завтра прибудет местный становой пристав, некто Ситников, – он уже вызван. Как это обычно бывает в среде мелкого чиновничества, он – бюрократ, а значит, боится ответственности. Первое, что он сделает, – настроит депешу в Пермь, в жандармское управление, чтобы переложить решение на плечи начальства.

Третье. В селе нет телеграфа. Депеша уйдет в течение суток-двух. Когда доклад окажется в Перми, оттуда пойдет шифровка в Петербург, в Третье отделение. Конечно, может быть, не сразу, – наверняка они захотят перепроверить факты. И все же риск есть.

Четвертое. Через три, максимум четыре дня, мой арест станет фактом, зафиксированным на самом верху. После этого даже вмешательство Игнатьева превратится в долгую, унижительную процедуру вызволения меня из бюрократической трясины. Проект будет заморожен, враги получают время, чтобы придумать еще какую-нибудь пакость. А что происходит в Маньчжурии? Вдруг Тулишен вновь начал наступление на наши прииски...

Вывод: у меня есть не больше двух-трех дней, чтобы переломить ход событий. Подкуп? Бесполезно. Этот мелкий чиновничек не решится поступить самостоятельно даже за миллион. Сбежать? Это смерть всех моих планов. Оставалось одно: мне нужно было доставить весть Соколову быстрее, чем государственный телеграф донесет до его начальства известия о моем... сомнительном реноме.

В тот самый момент, когда я пришел к этому выводу, по стеклу раздался тихий, почти неразличимый скрежет. Не стук, а именно скрежет, будто кто-то провел по нему ногтем. Я опустил взгляд. В густеющих сумерках, за штабелем дров, пряталась ссутулившаяся фигура. Инженер Воронов с тревогой смотрел на меня с улицы!

Я осторожно приоткрыл тяжелую створку окна. Холодный воздух ударил в лицо.

– Владислав Антонович! – прошептал он снизу, его молодое лицо было бледным и решительным. – Я видел... Я все видел. Чем помочь? Может, записку Ольге Александровне передать?

– К Ольге Александровне успеется, – оборвал я его тем же ледяным шепотом. – Она далеко. Важнее другое.

Я вынул бумажник. Радужная сторублевая ассигнация – целое состояние для этого городишки, годовой оклад иного чиновника, – легла мне на ладонь. Огрызком карандаша, который всегда был при мне, я быстро начертил на свободном поле несколько рубленых фраз:

«Соколову. Пермь. СРОЧНО. Арест по ложному доносу. Интриги врагов проекта. Государственное дело под угрозой. Т.»

Свернув купюру в тугой комоч, я бросил ее вниз. Воронов ловко поймал ее.

– Вот твои подорожные и мое письмо, – прошипел я. – Не жалея денег. Загонишь одну тройку – бери другую. Ты должен быть в Перми раньше, чем приедет курьер от Ситникова. Найди ротмистра Соколова. Передай лично в руки. Это важнее наших жизней. Ты меня понял?

– Будет исполнено, Владислав Антонович! – без колебаний ответил он, тенью метнулся за дровяник и исчез.

Я закрыл окно. Ну, я сделал все, что мог – запустил своего гонца в гонку против государственной машины. Теперь оставалось ждать и играть на время.

Утром, не успев я подняться, за мною явился городской.

– Извольте пожаловать к господину исправнику! – вежливо, но неумолимо-твердо произнес он.

– Позвольте хотя бы позавтракать! – возмутился я.

Просьба была признана законной. Вскоре мне принесли хлеба и молока.

Затем пришлось – таки встретится со становым приставом Ситниковым. Это оказался человек без возраста, с гладко выбритым лицом чиновника, который давно научился скрывать и мысли, и чувства. Войдя вместе с парой своих полицейских, он поздоровался, затем присел на стул, обитый потрескавшейся кожей. Один из помощников разложил письменный прибор, собираясь вести протокол.

– Ну что, господин Тарановский... – начал он, степенно перебирая какие-то бумаги. – Дело неприятное, сами понимаете. У меня есть два доноса. И они, смею заметить, разительно отличаются друг от друга. Один бунтовщик утверждает, что вы их тайный пособник, готовящий их побег. Другой же клянется, что вы – самозванец, не имеющий к имени Тарановского никакого отношения. Как прикажете это понимать?

Я не стал отвечать, задав вместо этого свой вопрос:

– Господин пристав, – спросил я, глядя ему прямо в пустые, как два кругляша старой меди, глаза – вы действительно намерены рассматривать дело государственной важности на основании бреда двух мятежников, приговоренных к каторге? Не кажется ли вам очевидным, что это – нелепый сговор с целью очернить меня и, что важнее, сорвать строительство стратегической дороги, которую я курирую по высочайшему повелению?

Ситников не дрогнул. Лишь скрипнуло перо секретаря, занося мои слова в протокол.

– Мне ничего не кажется, господин Тарановский. Я следую фактам. А факты требуют прояснения. Прошу ввести арестанта Бронислава Сакульского.

Дверь отворилась. Ввели Сакульского. При виде меня он затрясся, цепи на его ногах загремели.

– *Здрайца!* – взвизгнул он. – Вот он, иуда! Притворяется русским вельможей, а сам...

Я отвернулся от него и обратился к Ситникову с выражением крайней безразличности на лице, словно в комнату впустили чумную крысу.

– Вы позволите мне не комментировать этот истерический припадок? У меня есть дела поважнее, чем выслушивать проклятия безумца.

Мой ледяной тон произвел эффект. Ситников поморщился и кивнул конвоиру.

– Достаточно. Уведите.

Когда Сакульского выволокли, я почувствовал, как воздух в кабинете очистился. Но ненадолго.

– Прошу ввести арестанта Анджея Вержбовского.

Вержбовский, бывший сослуживец Тарановского, вошел с достоинством, которое не могли отнять ни каторжная роба, ни кандалы. Он говорил спокойно, методично, будто читал научный доклад. Он повторял свои показания: знал Тарановского на Кавказе, этот человек – не он, он на десять лет моложе, у него другой цвет глаз. Его спокойствие было в тысячу раз страшнее ярости Сакульского. В конце он нанес свой главный удар.

– Чтобы доказать мои слова, ваше благородие, пошлите запрос в Жешув, в Галицию. Там еще живы брат и племянники настоящего Владислава Тарановского. Они подтвердят.

Ситников удовлетворенно кивнул. Похоже, идея ему понравилась.

На моих губах появилась едва заметная, ядовитая усмешка.

– Превосходная мысль. Скажите, господин исправник, в вашем ведомстве уже подготовили ноту о вторжении на территорию Австрийской Империи? – полным сарказма голосом произнес я.

– Или географические карты у вас не обновлялись со времен государыни Екатерины Великой? Жешув, к вашему сведению, вместе со всей Галицией вот уже почти сто лет как австрийский город.

Ситников содрогнулся. В глубине его медных глаз промелькнула тень – отражение ужаса чиновника, совершившего глупую ошибку. Вержбовский, ошарашенный этим фактом, которого он, видимо, не принял в соображение, тоже растерялся.

Но Ситников был не из тех, кто сдается.

– Весьма остроумно, – сухо произнес он, оправившись от удара. – Но это не отменяет главного. Пан Тарановский, будучи поляком, должен был в совершенстве владеть родным языком.

Он кивнул, и в кабинет вошел щуплый человек в потертом сюртуке – местный письмоводитель или переводчик, судя по всему, тоже из поляков. Это был его последний козырь.

– Пан Завадский, – обратился Ситников к вошедшему. – Будьте любезны, задайте господину статскому советнику несколько вопросов на его родном, польском языке.

Время замерло. На меня уставились четыре пары глаз. Ситников – с холодным любопытством. Вержбовский – с напряженным ожиданием. Завадский – с испуганным подобострастием. Ловушка захлопнулась окончательно.

Пан Завадский кашлянул и уже открыл рот, чтобы произнести первую фразу.

Я поднял руку, останавливая его и очень задушевно посмотрел прямо в глаза Ситникову. Мой голос звучал тихо, но каждое слово падало в тишину, как гиря на весы.

– Я – русский офицер и потомственный дворянин, служащий верой и правдой Государю Императору Всероссийскому. С бунтовщиками, предателями и изменниками Родины у меня лишь один язык для разговора – русский. Других языков для них у меня нет.

В кабинете повисла мертвая тишина. Ситников смотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. В его глазах я не увидел ничего, кроме холодной пустоты. Он проиграл поединок. У него не осталось ни одной улики, ни одной зацепки – лишь клубок подозрений, который я виртуозно разорвал. Но и признать поражение он не мог.

– Вы останетесь под арестом, – наконец, произнес он без всякого выражения, – до получения дальнейших распоряжений из Перми.

Я молча встал. Конвоиры повели меня к выходу. Прошло все, конечно, хреново, но... Но зато я выиграл время.

И вновь я сижу в поповском доме. Час, другой... Ждем жандармов из Перми. Вот приедут они – и что будет дальше? Одному Богу известно!

Внезапно в коридоре послышался шум. Не мерный скрип сапог часовых, а торопливый, властный топот, резкие, отрывистые команды. Дверь моего номера распахнулась без стука, чуть не слетев с петель.

На пороге стоял ротмистр Соколов.

Он был покрыт дорожной грязью с головы до ног, лицо его осунулось и почернело от бешеной скачки, но глаза под сдвинутыми бровями горели холодной, стальной яростью. За его спиной, как два каменных изваяния, застыли двое жандармских унтеров, которых я никогда раньше не видел.

Он окинул меня быстрым взглядом.

– Вы под арестом? Это какое-то нелепое недоразумение. Собирайтесь, Владислав Антонович. Мы уезжаем.

Я молча кивнул. Соколов, не говоря больше ни слова, игнорируя ошарашенных часовых у двери, развернулся и пошел в соседние комнаты, где остановился становой пристав. Его походка была походкой человека, идущего не просить, а требовать.

Меня повели следом. Ситников встретил нас. Его лицо выражало крайнее неудовольствие появлением жандармского офицера, нарушившего его покой.

– Ротмистр Соколов, Отдельный корпус жандармов, – представился Соколов, и в его голосе прозвучал металл. – Я хотел бы поговорить с вами, господин исправник. Наедине.

Они скрылись в комнате. Дверь закрылась. Я остался ждать под неусыпным взглядом конвоя. Криков слышно не было. Лишь ровный, монотонный голос ротмистра, проникавший сквозь толстую дубовую дверь. Казалось, он не доказывал, а диктовал. Это длилось не больше пяти минут. Вечность.

Дверь отворилась.

На пороге стоял Ситников. Он был бледен как полотно, на лбу выступила испарина. Он смотрел на меня с таким суеверным ужасом, словно я только что воскрес из мертвых в его кабинете. За ним с тем же непроницаемым лицом стоял Соколов.

– Произошла... чудовищная, непростительная ошибка, – залепетал становой пристав, делая ко мне шаг и почему-то сгибаясь в подобострастном поклоне. – Ваше высокоблагородие... Мы стали жертвой гнусной клеветы... Бунтовщики будут наказаны со всей строгостью закона, уверяю вас!

В этот момент я понял, *что* сказал ему Соколов. Он не просто упомянул министров. Он назвал имена, от которых у провинциального чиновника должно было похолодеть в жилах. Имена Августейших особ, тайно покровительствующих проекту, настолько секретному, что любое официальное расследование могло расцениваться как государственная измена. Желтороссия – совершенно тайная операция, и неудивительно, что ее проводят люди, что называется, "под прикрытием." Теперь любая странность в моей легенде объяснялась не самозванством, а высшими государственными интересами.

Я холодно прервал его извинения.

– Мне нужны арестанты Сакульский и Вержбовский. Здесь. На пять минут.

Перепуганный Ситников бросился выполнять приказ, словно от этого зависела его жизнь.

Поляков ввели. Они увидели меня, стоящего рядом с жандармским ротмистром, увидели трясущегося исправника и все поняли. В их глазах не было больше надежды.

Я подошел вплотную к Сакульскому, глядя в его полные ненависти глаза. Я говорил тихо, почти безэмоционально, чтобы слышал только он.

– Я обещал тебе речь на русском языке. Вот она. Еще одно слово в мой адрес, даже шепот, даже косой взгляд – и я не стану утруждать систему твоим переводом на Камчатку. Я лично попрошу сделаю так, чтобы тебя «потеряли» на этапе. Случайно. Понимаешь? Чтобы ты просто сгнил под безымянной сосной где-то в тайге. И никто никогда не узнает, где твоя могила.

Его лицо посерело. Фанатизм в его глазах сменился животным страхом.

Затем я повернулся к Вержбовскому. Он смотрел на меня с тем же спокойным достоинством, но в глубине его глаз я увидел смятение. Я долго, изучающе смотрел на него.

– А вы, пан Анджей, – произнес я наконец, – были абсолютно правы. Но при этом вы совершили одну роковую ошибку. Вы перепутали живого человека с призраком!

Я развернулся и, не глядя больше ни на кого, пошел к выходу. Соколов последовал за мной.

За нашими спинами повисла гробовая тишина. Я был свободен. Но, черт возьми, что если слухи о моем аресте дойдут до Ольги? Надо их опередить!

Тем же вечером мы с Соколовым выехали в Екатеринбург. Мы неслись, загоняя лошадей так, что карета, казалось, вот-вот рассыплется на части, превратившись в облако щепок. Я молчал, глядя на проносящийся мимо унылый уральский пейзаж. Соколов, сидевший напротив, тоже не лез с разговорами, понимая, что сейчас мне нужно побыть одному. В голове у меня не было ни радости, ни облегчения. Там ковался холодный, тяжелый, как стальной рельс, вывод. Эта история с арестом – не случайность. Это предупреждение. Знак того, что мир всегда будет пытаться вцепиться в мое прошлое. И защиты от этого всего две: могила или такая безмерная власть, которая сама становится законом.

Когда мы влетели в Екатеринбург, я, не дожидаясь, пока экипаж полностью остановится, спрыгнул с подножки.

– Спасибо, ротмистр, – бросил я на ходу и ринулся в гостиницу, взлетая по скрипучей лестнице через две ступени. Сердце колотилось где-то в горле. Страх. Не за себя – за нее. За то, что она там пережила, одна, в этом номере, в полном неведении.

Дверь в номер распахнулась от удара моего плеча. Я ворвался внутрь, запыхавшийся, мокрый от пота и бешеной скачки, ожидая увидеть худшее – слезы, отчаяние, допросы.

Ольга стояла у окна. Она резко обернулась на шум, и при виде меня из ее груди вырвался короткий, сдавленный вскрик – смесь ужаса, облегчения и неверия.

В два шага я был рядом, сгреб ее в охапку. Она вцепилась в меня с такой силой, что, казалось, хотела врасти, стать частью, чтобы нас больше никогда не смогли разделить. Она дрожала всем телом.

– Живой... Владислав, живой... – шептала она, утыкаясь лицом мне в грудь.

– Все хорошо, Оленька. Все хорошо. Я приехал! – говорил я, глядя ее по волосам, по спине, чувствуя, как тепло ее тела возвращает меня к жизни.

Затем она взяла мою руку и медленно, очень бережно, прижала к своему животу.

– Я должна кое-что сказать тебе, – сказала она тихо, но так отчетливо, что каждое слово ударило мне в самое сердце. – Мы ждем ребенка, Владислав.

Воздух в комнате кончился.

Весь мир – с его железными дорогами, интригами, каторгой, золотом, со всем этим грохочущим и суетливым маскарадом – исчез. Пропал. Растворился. Я смотрел на ее лицо, потом на свою руку, лежащую на ее платье, под которой теперь билась не одна, а две самые важные для меня жизни.

Арест, допрос, унижение, смертельный риск – все это вдруг обрело новый, пронзительный, почти невыносимый смысл. Это было последнее предупреждение. Последний звонок перед тем, как на кон будет поставлено нечто неизмеримо большее, чем моя собственная жизнь.

Я медленно, как во сне, опустился на колени у ее кровати. Уткнулся лицом в ее колени, вдыхая знакомый, родной запах ее кожи. И именно сейчас, стоя на коленях, чувствуя хрупкое тепло ее тела, я понял, что отныне моя жизнь кардинально изменилась.

Все, что было раньше – риск, опасность, игра со смертью и судьбой, – все это касалось только меня. Моя жизнь, моя свобода. Но ребенок... Ребенок менял правила игры. Он отнимал

у меня право на риск. Он превращал любую мою ошибку из личной трагедии в проклятие для него, еще не рожденного.

Встреча с Сакульским была случайностью. Уродливой, нелепой, но случайностью, от которой невозможно застраховаться. А что, если завтра на моем пути встретится другой? Третий? Я не могу запугать, подкупить или истребить всех призраков своего прошлого. Они всегда будут там, в тени, готовые выскочить в самый неподходящий момент и попытаться утащить меня обратно в ад.

И я с абсолютной, ледяющей ясностью понял, что вся моя прежняя тактика – быть умнее, быстрее, хитрее – это путь в никуда. Это игра в русскую рулетку, где на кону теперь стоит не моя голова, а жизнь и судьба моего сына или дочери.

Нужно стать таким, чтобы их слова, даже самые правдивые, превращались в пыль. Стать такой величиной, таким явлением, чтобы любая попытка обвинить меня выглядела как лай моськи на слона. Нужна не просто защита. Нужно полное, абсолютное могущество, которое само по себе отменяет прошлое.

Надо стать натуральным Левиафаном, для которого рыбацкие лодчонки – не угроза, а лишь мелкая рябь на воде. Левиафан не боится удочек. Он сам – стихия, неумолимая поступь судьбы. Его не судят. С его пути бегут в страхе... или гибнут.

Глава 2

Я проснулся рано. Ольга еще спала, ее дыхание было ровным и безмятежным, и в этом утреннем покое она казалась очень хрупкой, почти невесомой. Осторожно высвободившись из ее теплых объятий, я подошел к окну.

Екатеринбург просыпался неохотно. Осенняя распутица на Урале, была в самом разгаре.

Я смотрел на эту бескрайнюю хлябь, и меня прошиб холодный пот. Я представил Ольгу в ее положении, в обычном тряском тарантасе, на тысячеверстном пути по Сибирскому тракту. Тряска, холод, убогие почтовые станции, где в щели дует ледяной ветер. Это был не просто дискомфорт. Это был смертельный риск.

Все, что было раньше – риск, опасность, игра со смертью, – все это касалось только меня. Моя жизнь, моя свобода. Но ребенок... Ребенок менял положение дел. Нужен был очень хороший экипаж, натуральная крепость на колесах. Вернее, учитывая предстоящую зиму – на полозьях.

Оставив Ольгу отдыхать под присмотром казаков, я отправился на Верх-Исетский завод. Не в дымные цеха, где я еще недавно искал решение топливного голода, а напрямик в контору управляющего.

Аристарх Степанович встретил меня с почтением.

– Аристарх Степанович, доброго утра. Дело срочное, личное, – без предисловий начал я. – Мне нужен лучший экипаж, какой только можно найти в Екатеринбурге. Не для щегольства. Для долгого и тяжелого пути. Закрытый, теплый, на самых надежных рессорах. Карета! Деньги – не вопрос.

Управляющий на мгновение задумался, потирая подбородок.

– Ваше высокоблагородие... – начал он почтительно. – Обычный экипаж вам не подойдет, раз дорога дальняя. Но есть одна... особая. У хозяина нашего, Саввы Иванович Яковлева. Дормеза – то есть карета для дальних путешествий, министерского класса. Он ее в Петербурге по случаю купил, да так почти и не ездит. Стоит в сарае без дела. Уж крепче той кареты во всем Уральском хребте не сыскать.

То, что нужно.

– Устройте мне встречу с Саввой Ивановичем.

Особняк Яковлева в центре города не кричал о богатстве – он им давил. Тяжелая, массивная мебель из карельской березы, тусклое золото на корешках книг, портреты предков в тяжелых рамах и глухое, мерное тиканье бронзовых часов на камине. Здесь все было основательным, вечным.

Сам Савва Иванович Яковлев, пожилой, сухой, с цепким, оценивающим взглядом старик, принял меня в своем огромном кабинете. Он был сама любезность, но я чувствовал, как его взгляд «просвечивает» меня, пытаюсь оценить реальный вес этого Тарановского.

– Владислав Антонович, какими судьбами! – проскрипел он, указывая на кресло. – Рад видеть. Наслышан о ваших петербургских успехах. Говорят, вы на собрании ГОРЖД произвели фурор. Как, кстати, наши дела по «томасовскому» процессу? А уголек-то кизеловский и впрямь хорош?

Заметно было, что своими вопросами он «прощупывал» меня, обозначая круг общих интересов.

Я не стал ходить вокруг да около.

– Дела идут превосходно, Савва Иванович. Но я к вам сегодня с делом личным и деликатным. Мне нужна ваша дормеза.

Яковлев удивленно вскинул седые брови.

– Дормеза? – он изобразил удивление. – Ах, эту... петербургскую? Помилуйте, Владислав Антонович, да как же можно! Я ее... – он напустил на себя сентиментальный вид, – я ее самому себе на юбилей приберег. Да и, признаться, память о покойной супруге... с ней мы еще...

Классическое начало торга.

Я спокойно выдержал паузу, давая ему доиграть эту сцену.

– Понимаю вашу привязанность к хорошим вещам, – ровно ответил я. – Недавно имел честь беседовать в Петербурге с Великим Князем Константином Николаевичем. Он живо интересовался нашими уральскими делами.

Лицо Яковлева мгновенно стало серьезным.

– Особенно проектом Уральской железной дороги, – как бы невзначай продолжал я. – Его Императорское Высочество придает этому делу «самое высокое внимание». Он был бы крайне огорчен, узнав, что столь важный государственный проект... – я сделал едва заметную паузу, – ...тормозится из-за сугубо бытовых неудобств его главного исполнителя.

Яковлев не был дураком. Он мгновенно прочел этот вежливый ультиматум. Одно дело – отказать дельцу Тарановскому. Другое – «затормозить» проект, находящийся под «высоким вниманием» Великого князя.

Сентиментальность с его лица слетела, как шелуха.

– Владислав Антонович! – просиял он. – Да что ж вы сразу не сказали! Для дела государственной важности! Да я вам ее дарю! От чистого сердца!

– Благодарю Савва Иванович, – я позволил себе легкую улыбку. – Но я не могу принять, столь дорогой подарок. Я ее покупаю. Но, скажем так, по «дружеской» цене, в знак нашего общего дела.

Он понял. Я не просто покупал карету – я давал ему возможность купить себе репутацию человека, содействующего воле августейшей фамилии.

– Осмотреть не желаете?

Мы прошли во двор. Каретный сарай был огромен. Карета стояла в дальнем углу, под чехлом. Когда сукно сняли, я ахнул.

Вот это вещь! Тяжелая, приземистая, обитая толстым темно-синим сукном, на массивных, усиленных двойных рессорах, способных выдержать любую тряску. Внутри – обитая стеганым бархатом, с диванчиками, которые, очевидно, раскладывались в полноценную кровать.

Я мысленно уже дорабатывал ее: поставить на полозья для санного пути, дополнительно утеплить войлоком, установить маленькую чугунную печурку. Идеально.

– Беру, – сказал я.

Мы ударили по рукам. Сделка была скреплена. Савва Иванович был уверен, что укрепил отношения с человеком, за которым стоит сам Императорский Дом. Ну а я получил то, что хотел.

Через час тяжелая дормеза, скрипя рессорами, уже ползла по грязным улицам Екатеринбурга в лучшую каретную мастерскую, что мне порекомендовал Аристарх Степанович. Я ехал рядом верхом, не доверяя эту задачу никому, лично контролируя каждый ухаб. Мне нужна была не просто карета. Мне нужна была крепость.

В мастерской, пахнувшей сухим деревом, лаком и скипидаром, меня встретил старший – Потап. Мужик кряжистый, в кожаном фартуке, с таким же цепким взглядом, как у Яковлева.

– Работу бросай, – сказал я, едва спешившись. – Заказ срочный, плачу тройную цену.

Я развернул на верстаке первый чертеж.

– Колеса – долой. Кузов – на полозья. Полозья широкие, кованые, с подрезом. Чтобы по глубокому сибирскому снегу шла, как по маслу.

Потап хмыкнул.

– С умом барин. Вижу, в деле смыслишь. Сделаем.

– Это не все. – Вот сюда, в угол, ставим печку. Маленькую, чугунную «буржуйку».

Лицо мастера вытянулось.

– Печку? В дормезу? – он недоверчиво почесал в затылке. – Слыхано ли? Да вы ж угорите, барин, в первой же ночи! Покойников потом вытаскивать?

– Не угорим, – отрезал я. – Сделаешь, двойной дымоход с выводом на крыше. Забор воздуха здесь, отток там. Флюгарку на трубу. Проход сквозь крышу закрой металлом, чтобы раскаленное железо не касалось дерева. Все рассчитано! Будет тепло, как в избе, и дышать будет чем. Да и ночевать мы в карете не собираемся – нам бы днем не околеть!

Потап долго, молча, с почтением изучал мой рисунок. Постепенно лицо его прояснилось.

– Видать, ваше высокоблагородие, смыслите! – пробасил он. – Будет сделано.

И Екатеринбург закрутился в вихре моей воли. Я не ждал. Я действовал, координируя несколько процессов одновременно.

В кузнице города, сунув мастеру пачку ассигнаций, я заказал ту самую миниатюрную печку из толстого листового железа, дымоход и решетку-искрогаситель.

В стекольной мастерской я нашел ошарашенного стекольщика и заказал вторые рамы для окон дормезы – «двойное остекление», как сказали бы в моем мире.

А один из моих казаков, Семен, получив увесистый кошель, рыскал по рынку, ища хорошие медвежьи шкуры и перины. Два дня я жил в этих мастерских. Спал урывками, питался всухомятку, подгоняя, советуя, а где-то и помогая сам. Я лично контролировал, как Потап и его артель превращают холодную карету в «гнездо». Мы выкинули жесткие бархатные скамьи. На их место легло широкое деревянное основание, превратившее заднюю часть кареты в полноценную лежанку, которую тут же утеплили толстым войлоком, перинами и мехами.

На исходе второго дня все было готово. Я приехал в гостиницу, вымотанный, пахнущий не столичным одеколоном, а раскаленным железом и скипидаром, но в глазах у меня, должно быть, горел лихорадочный огонь.

Ольга встретила меня с тревогой.

– Влад, что с тобой?

– Пойдем. У меня сюрприз.

Карета, а вернее, уже сани, стояла во дворе. Снаружи – просто большая, солидная, добротная дормеза на мощных полозьях. Я распахнул тяжелую, утепленную войлоком дверцу.

Ольга заглянула внутрь и ахнула.

Вместо холодных скамеек она увидела мягчайшее, уютное гнездо из пуховых перин и мехов. В углу, аккуратная, как игрушка, стояла крохотная черная печурка. Окна были двойными. Весь интерьер превратился в теплую, безопасную комнатку, защищенную от всего мира.

Она медленно повернулась ко мне. В ее глазах стояла смесь нежности, восхищения и той самой иронии, которую я так в ней любил. Она обняла меня, уткнувшись лицом в мой, пахнущий гарью, сюртук.

– Ну вот, – прошептала она со вздохом. – А я-то уже настроилась... Собиралась изобразить из себя жену декабриста, стойко переносящую все тяготы сибирской ссылки. А ты взял и всё испортил. Построил мне избу на колесах, натуральный ковчег!

Спустя три дня выпал первый снег, и уже через неделю «Ковчег», как окрестила карету Ольга, запряженный шестеркой лошадей, плыл по заснеженной дороге. За двойными, утепленными стеклами нашего передвижного дома остался рев уральских заводов и суета Екатеринбурга, впереди лежали тысячи верст белого безмолвия.

Я откинулся на мягкие пуховые подушки. Внутри кареты царил немыслимый для тракта уют. В углу тихо гудела маленькая чугунная печурка, наполняя наше замкнутое пространство сухим, живительным теплом. Ольга, закутавшись в меха, читала роман, изредка с улыбкой поглядывая на меня. Она была спокойна и счастлива. И это спокойствие было главной наградой за всю ту лихорадочную двухдневную работу в мастерских.

Снаружи завывал ветер, мороз крепчал, но внутри нашей герметичной крепости, плавно скользящей на широких полозьях, это казалось далеким и нереальным. Для управления каретой мы наняли в Екатеринбурге кучера, Еремея. За нами, в удобных розвальнях, следовал эскорт – ротмистр Соколов и двое казаков, Семен и Трофим. Их присутствие было ненавязчивым, но постоянным, подчеркивая наш статус.

Путешествие проходило быстро. Как статский советник, я имел право требовать на почтовых станциях 12 лошадей. 3 из них мы впрягали в розвальни, 6 – в карету, да еще пристегивали к розвальням 1–2 запасных лошади на случай если какая-то из основных вдруг охромееет.

Не успели мы оглянуться, как доехали до Оби. И здесь, на подъезде к Тобольску, у знакомой мне заставы, наш маленький караван предсказуемо остановили.

Молодой офицер, вышедший из караульной будки, сначала с нескрываемым изумлением оглядел мою огромную, внушительную дормезу, какой здесь, поди, и не видывали. Затем его взгляд с уважением скользнул по фигурам Соколова и казаков. Он подошел к дверце, козырнул и представился по всей форме.

Я молча, через приоткрытое окно, протянул ему нашу подорожную.

Он взял бумаги. Я видел, как его глаза пробежали по первой строке. Он даже не дошел до фамилии. Двух слов оказалось достаточно: «Статский советник» и «Особая государственная надобность».

Офицер вытянулся в струнку так резко, будто его ударило током.

– Ваше высокоблагородие! – гаркнул он, и его голос дрогнул от служебного рвения. – Прошу прощения за задержку!

Он тут же обернулся к шлагбауму:

– Поднять! Немедленно! Пропустить!

Я усмехнулся про себя, откидываясь на подушки. Помнят меня, бояться! Причем в прошлый раз страх вызвало мое *имя*. Теперь же – имя и *чин*!

Мы разместились в лучших номерах «Сибирской гостиницы». Едва мы успели отдать распоряжения Соколову и казакам насчет ночлега и охраны, как в дверь постучали.

На пороге стоял молодой, вышколенный адъютант в безупречно отглаженном мундире.

– Господин статский советник?

Я кивнул.

– Его превосходительство господин Тобольский губернатор, Александр Иванович Деспот-Зенович, – отчеканил адъютант, – шлет свои приветствия Вам и вашей супруге.

С этими словами он вручил Ольге небольшой, но изящный букет оранжерейных роз – немислимая роскошь для Тобольска в начале зимы.

– ...И просит вас с Ольгой Александровной осчастливить его своим визитом. Немедля, если возможно. Его превосходительство ждет вас к обеду.

Я едва сдержал улыбку, переглянувшись с Ольгой. План на тихий отдых и горячий ужин в номере рухнул. Отказать в просьбе губернатору, конечно же, было невозможно.

– Передайте его превосходительству, – ответил я, вставая, – что мы почтем за честь явиться.

Адъютант козырнул и исчез.

– Ну что ж, ангел мой, – сказал я Ольге, помогая ей выбрать платье. – Кажется, нас ждет не только обед. Пора провести небольшую инспекцию. Надеюсь, сиротский приют не разворовали вновь!

Дом Тобольского губернатора встретил нас блеском парадной резиденции. В жарко натопленных залах пахло дорогими духами, восковыми свечами и свежесваренным чаем. Нас встретил сам Александр Иванович Деспот-Зенович с супругой, дамой внушительной, но приветливой.

Пока мы с губернатором обменивались официальными любезностями, я краем глаза наблюдал за Ольгой. Она мгновенно оказалась в центре внимания местного «бомонда» – стайки разодетых губернских дам, чьи взгляды, цепкие и оценивающие, скользили по ее петербургскому платью. Оно было элегантным, но подчеркнуто скромным – простое темное сукно, отделанное бархатом, и единственное украшение – нитка жемчуга.

– Ах, сударыня, какая восхитительная простота! – проворковала жена городского головы, чей собственный наряд, казалось, вообрал в себя все цвета радуги. – В столице, верно, нынче не носят бриллиантов днем?

Это был укол – мелкий, завистливый, но точный.

Ольга, не дрогнув, с самой обезоруживающей и светлой улыбкой ответила:

– Вы совершенно правы, сударыня. Камни днем – ужасный *mauvais ton* (дурной тон). Хотя, признаться, – она сделала вид, что вспоминает, – здесь, в Тобольске, пожалуй, пригодились бы то дивное сапфировое кольцо, что мы, к сожалению, перед самым отъездом уступили княгине Полонской. Уж очень она просила. В обмен на него Владислав устроил прекрасный сиротский приют!

Упоминание аристократической фамилии произвело эффект разорвавшейся бомбы. Дамы мгновенно сменили тон. Экзамен был сдан. Через пять минут Ольга уже мило щебетала с ними о погоде и сиротских приютах, а я понял, что моя жена – не просто красавица, а грозная сила.

За обедом разговор, естественно, перешел на дела. Деспот-Зенович, оказавшийся не просто сатрапом, а умным и деятельным администратором, сразу взял быка за рога.

– Владислав Антонович, с вашим легкой руки скандал с Хвостовым разрешился, – говорил он, пока слуги разносили стерлядь. – Но проблема осталась. Тобольск задыхается! У меня в пересыльной тюрьме скопилось свыше тысячи поляков-инсургентов. Их нечем занять! Они сидят без дела, бунтуют, гниют заживо, а их содержание сильно обременяет казну, – посетовал он.

– Рабочая сила не должна быть обузой для казны, ваше превосходительство, – ответил я, отставляя бокал. – Она должна приносить прибыль.

Губернатор подался вперед.

– Я как раз сейчас курирую строительство железной дороги на Урале. И у меня та же проблема – пятьсот поляков прибыли в Пермь. Я организовал для них рабочий лагерь по новому образцу. Строгие бараки, дисциплина, но главное – честный зачет сроков. День работы – за три дня каторги.

– День за три! – ахнул губернатор. – Да они у вас землю грызть будут!

– Именно на это я и рассчитываю. Отправьте ваших офицеров ко мне под Кунгур. Я покажу им, как организовать труд так, чтобы каторжники не только окупали свое содержание, но и строили будущее Империи. Мы дадим им не пайку, а цель.

Деспот-Зенович смотрел на меня с нескрываемым восхищением. Он увидел не прожектора, а практика, человека с готовым решением.

– А теперь, – губернатор поднялся, – не угодно ли будет вам, Владислав Антонович, и вам, Ольга Александровна, посетить ваше, можно сказать, детище? Приют!

«Дом призрения для сирот и арестантских детей», разместившийся в бывшем, конфискованном у Хвостова особняке, сиял свежей краской. Нас встретила строгая, но приветливая смотрительница.

Внутри пахло чистотой, известкой и щами из кухни. Все было образцово-показательно: чистые простыни на детских кроватках, тихие, аккуратно одетые дети в классах, бойкие старушки-нянечки из ссыльных, присматривающие за младенцами.

Ольга, забыв о светских манерах, тут же подошла к одной из колыбелей и начала поправлять одеялыце плачущему младенцу.

Я же осматривал все хозяйским глазом.

– Прекрасно устроено, – сказал я губернатору, когда мы вошли в столовую. – Но есть пара мыслей. Вы держите младенцев и их матерей-арестанток вместе.

– Так положено, – кивнул Деспот-Зенович. – Детям нужно кормление!

– Да, но это же так неэффективно! Организуйте ясли так, чтобы матери могли работать в прачечной или швейной мастерской при приюте, а за детьми смотрели те пожилые ссыльные, что негодны к тяжелому труду. Так мы решаем две проблемы: арестантки при деле и окупают себя, а старушки получают кров и пищу за посильный труд.

Губернатор схватил идею на лету.

– А мальчиков-подростков, – добавил я, когда мы проходили мимо плотницкой мастерской, – нужно обучать не только столярному делу, но и телеграфному. Через пять лет хороший телеграфист будет цениться в Сибири дороже любого столяра.

Вечером, в тишине нашего номера в гостинице, Ольга подошла ко мне сзади и обняла. Я стоял у окна, глядя на спящий Тобольск.

– Владислав, это было невероятно... – прошептала она.

Она прижалась щекой к моей спине.

– Подумать только... – ее голос дрогнул. – Что когда-то, в этом самом Тобольске, ты был... простым арестантом!

Она увидела «Господина Тарановского» – человека, который прошел через ад, вернулся оттуда и теперь заставляет губернаторов и князей слушать себя. Человека, который сумел победить саму судьбу.

Через два дня отдыха мы покинули Тобольск. Путешествие превратилось в почти идиллическое скольжение по бескрайней снежной пустыне. За двойными, утепленными стеклами кареты выл ледяной ветер, крепчал мороз, а внутри, в нашем маленьком мирке, было почти нереальное тепло.

Идиллия рухнула на четвертый день пути, где-то на полпути к Омску.

Это случилось на крутом, предательски обледенелом косогоре. Лошади не удержались. Раздался оглушительный, сухой треск ломающегося дерева и визг рвущегося металла. Карету резко дернуло, развернуло поперек дороги и с тяжелым скрежетом завалило набок. Удар был таким сильным, что Ольга бросило с мягкой лежанки прямо на меня.

– Оля! Ты цела?!

– Да... кажется... – прошептала она, испуганно выбираясь из вороха мехов. – Что это было?

Я распахнул дверцу, которая теперь смотрела в серое, низкое небо, и выбрался наружу. Ротмистр Соколов и казаки уже спешили и с мрачными лицами осматривали повреждения. Картина была удручающей.

– Худо, Владислав Антонович, – глухо сказал Семен, один из казаков, ковыряя ножом щепки. – Правый полоз не просто сломан. Его вырвало «с мясом». Вон, гляньте, поворотное крепление к оси лопнуло.

Я присел на корточки. Он был прав. Починить такое на месте, в чистом поле, было невозможно. Нужна была кузница, горн и, как минимум, несколько часов работы хорошего мастера.

– Что же ты зевал, ворона! – злобно ощерившись, прикрикнул Соколов на нашего ямщика, и уже прицелился дать Еремею «в рыло». Но я перехватил его руку.

– Оставьте его. Нам надо проблему решать, а не виновных искать!

Сумерки сгущались. Мороз, до этого казавшийся далеким, мгновенно вцепился в лицо ледяными клещами.

Я быстро принял самое логичное, единственно верное решение.

– Ольга, – сказал я, заглядывая в карету, где она пыталась поправить съехавшие подушки. – Ангел мой, ситуация серьезная. Ночевать здесь в твоём положении – безумие. Ты

с ротмистром Соколовым немедленно пересаживаешься в розвальни и едете вперед, до ближайшей почтовой станции. Она должна быть верстах в тридцати.

– А ты? – ее голос был тихим, но в нем уже звенела сталь.

– Я и казаки останемся здесь, с каретой и лошадьми. Разведем костер. Утром я вас догоню.

Ольга выбралась из кареты. Она оправила платье, спокойно посмотрела на сломанный полоз, на темнеющий лес, на моих хмурых казаков. А потом повернулась ко мне.

– Нет, – сказала она.

Я замер.

– Что «нет»? Оля, не время для капризов. Здесь будет минус тридцать к ночи.

– Я сказала, нет. – В ее глазах не было ни страха, ни истерики. Только твердая, взрослая решимость. – Я не поеду. Я тебя здесь одного, в лесу, не оставлю. Мы поедем только вместе!

Я почувствовал себя в ловушке. Но ругаться с беременной супругой не стал. Все и так на нервах.

– Владислав Антонович прав, Ольга Александровна, – вмешался Соколов, который тоже понял, что назревает бунт. – Это будет благоразумнее. Мой долг – обеспечить вашу безопасность.

– Мой долг, ротмистр, – отрезала она, не глядя на него, – быть с моим мужем.

Я скрипнул зубами. Она не уедет. Силой я ее не заставлю. Значит, план меняется.

– Хорошо, – наконец сказал я, сдаваясь.

Я резко повернулся к ошеломленному Соколову.

– Ротмистр! План меняется. Мы с Ольгой Александровной берем розвальни и едем за помощью. Вы и казаки остаетесь здесь. Охраняйте карету, лошадей и груз.

– Но, ваше высокоблагородие! – взвился Соколов. – Оставить вас практически без охраны! Двое в розвальнях, ночью, в тайге... Моя обязанность – охранять вас!

– Ваша обязанность, ротмистр, – отрезал я ледяным тоном, – выполнять мои приказы. А мой приказ – охранять карету. Это ясно?

Он поперхнулся возражениями, но, встретив мой взгляд, лишь зло кивнул.

Подготовка была быстрой. Казаки молча отдали нам свои лучшие тулупы, чтобы укутать Ольгу в розвальнях. Я проверил свой «Лефосе» и тяжелый штуцер, сунул за пазуху запас патронов. Семен выломал из разбитой кареты искореженную металлическую деталь крепления.

– Вот, – протянул он мне. – Кузнецу покажешь. Чтоб зря не мудрил.

Я кивнул, пряча тяжелый обломок. Я помог Ольге устроиться в розвальнях, укрыл ее мехами так, что виднелся лишь кончик носа. Сам сел на место возницы, взял в окоченевшие руки вожжи.

– Мы скоро вернемся, – бросил я Соколову, который смотрел на нас как на самоубийц.

Лошади тронули. Двое, в маленьких открытых санях.

* * *

Розвальни скользили в мертвой, зловещей тишине, нарушаемой лишь сухим скрипом полозьев по насту. Мы ехали уже час, и за это время тьма из сумерек превратилась в непроглядную, чернильную стену. Тайга сомкнулась вокруг дороги, ее голые, черные ветви сплетались над головой, будто костяные пальцы.

Ольга сидела, вжавшись в меня, закутавшись в тулупы. Я чувствовал, как она дрожит, и эта мелкая, частая дрожь передавалась мне, смешиваясь с моим собственным, холодным напряжением. Страх был осязаем; он висел в ледяном воздухе тяжелее, чем морозный пар, который вырывался из наших легких.

И тут тишину разорвал далекий, протяжный вой.

Он прозвучал так тоскливо и высоко, что, казалось, сама луна жалуется на стылое небо. Лошади испуганно прянули ушами и захрипели, пытаясь остановиться.

– Спокойно, – прошипел я, с силой натягивая вожжи, успокаивая их скорее голосом, чем усилием. – Спокойно!

Я достал из-под сиденья тяжелый, надежный штуцер, проверил капсюль и положил его поперек коленей. Затем вынул из кобуры свой «Лефоше», убедился, что барабан полон, и сунул его за пояс, под полу тулупа.

Вой повторился. Уже ближе. Гораздо ближе.

И тут же ему ответил другой, с левой стороны дороги. А потом третий, почти позади нас.

Нас вели. Нас гнали, как зверя, отсекая путь к отступлению.

Ольга первая заметила их. Ее пальцы в лайковой перчатке мертвой хваткой вцепились в мой рукав.

– Влад... смотри...

Глава 3

– Влад... смотри... – срывающийся голосом произнесла жена, и ее пальцы, обтянутые тонкой лайковой перчаткой, с силой утопающего впираются в мой рукав.

Я поднял глаза, всматриваясь в тени между заснеженными деревьями. Тишина вдруг стала плотной, вязкой, буквально давила на барабанные перепонки. Даже скрип полозьев, казалось, тонул в этом зловещем безмолвии. Лошади почуяли это первыми: они захрапели, переступая нервно, их уши задергались, пытаюсь поймать источник невидимой угрозы.

А потом в мертвой черноте между стволами вспыхнули два глаза. Они горели холодным, желтовато-зеленым пламенем.

Вслед за первой парой вспыхнула вторая, чуть поодаль. Третья. Четвертая... Десятая. Вскоре вся кромка леса по обе стороны от дороги превратилась в гирлянду этих немигающих, потусторонних огней. Волки.

Да их тут десятки... Это не было хаотичным движением – скорее охотничий эскорт. Умный, организованный враг брал нас в клещи, изучая, оценивая, выматывая.

Внезапно две тени, ослепительно-серые на фоне черных стволов, выскользнули из леса. Это вырвались вперед самые неопытные и нетерпеливые. Взметая тучи снежной пыли, они понеслись наперерез, пытаюсь зайти спереди, остановить лошадей.

Лошади взвились на дыбы с обезумевшим, почти человеческим криком. Розвальни резко дернуло в сторону, так, что правый полоз заскрежетал по обледенелой колее. Ольга охнула. Меня едва не выбросило на снег. Одной рукой я отчаянно боролся с вожжами, которые превратились в двух живых, бьющихся в агонии змей, другой пытался нащупать свой штуцер. Невозможно...

Стрелять одной рукой я не смогу. Можно, попробовать револьвером, и одной рукой управлять беснующимися, храпящими лошадьми, а другой – вести огонь по этим мелькающим целям. Но так легко промахнуться, а патроны не бесконечные. Нельзя палить наугад – только прямо в цель. Это проигрышный бой. И волки, кажется, это знали.

И тут на дорогу вышел здоровый, матерый волк. Уши прижаты к черепу. Вожак. Он шагнул на заледенелую дорогу с достоинством хозяина этой ночи и этого леса. Остановился, блокируя путь. Я видел, как напряглись мышцы на его плечах. Он готовился к прыжку. Нас оглушает дикое ржание: кони буквально сходят с ума от ужаса.

Времени нет. Секунда – и он разорвет горло головной лошади.

Резко оборачиваюсь к Ольге. В тусклом, призрачном свете, отраженном от снега, ее лицо – белая маска, где темными провалами кажутся огромные, парализованные ужасом глаза. И сую ей в руки пучок ледяных, дергающихся вожжей.

– Держи! – ледяным голосом приказываю ей.

Мгновенно очнувшись от оцепенения, она хватается вожжи, с силой тянет их. Спинным мозгом чувствую, как она всем телом наваливается на вожжи, борясь с рвущейся вперед мощью обезумевших животных. Лошади хрипят, визжат, бьют копытами лед, но она держит. Ее хрупкое тело превратилось в единственный барьер между нами и хаосом.

Руки свободны.

Время как будто остановилось. Сердце колоколом стучит в грудной клетке.

Я скидываю штуцер к плечу. Вожак, припав к земле, делает первый вкрадчивый шаг. Я не стреляю. Жду. Десять метров. Пять. По морде вижу: сейчас он прыгнет.

Терпение. И плавное движение пальца.

Мир расколол надвое оглушительный, сухой треск выстрела. Яркая вспышка выхватила из мрака оскаленную пасть, вздыбленную шерсть, желтые клыки. В воздух взметнулись искры и плотный клуб порохового дыма.

Вожак, коротко взвизгнув от смертельного удивления, прыгнул и будто споткнувшись о невидимый барьер, и замертво рухнул в снег.

Стая на долю секунды оцепенела.

Но голод и ярость сильнее страха.

Низкое, утробное рычание взорвалось с новой силой. Стая хлынула на нас с боков. Штупер бесполезен. Я бросаю его в розвальни и выхватываю револьвер из-за пояса.

Один прыгает на край саней. Ольга кричит...

Ба-бах!

Выстрел в упор. Волк с визгом кубарем катится в темноту. Я разворачиваюсь, почти упираясь стволом в другую тень, метящую в шею лошади.

Ба-бах!

Зверь валится под копыта. Лошади снова визжат от ужаса, Ольга кричит, но вожжей не отпускает. Ее тело – натянутая струна.

Ба-бах! Третий.

Осталось три.

Но гибель вожака и еще троих самых матерых хищников сделала свое дело. Их ярость сменилась растерянностью. Они отшатнулись, атака захлебнулась.

Один за другим, поджав хвосты, они начали отступать. Растворяться в ночной темноте, из которой явились. Бесшумные тени.

Всё.

Закончилось.

Возвращается тишина. Теперь она звенит в ушах, тяжелая, оглушительная. Воздух густо пахнет порохом, кровью и звериным страхом. Лошади дрожат крупной дрожью, покрытые мыльной пеной, но несут, опутанные вожжами, которые все еще намертво сжимает Ольга. Она сидит прямо, как сломанная кукла, глядя в пустоту перед собой.

Я медленно, очень осторожно, забираю у нее вожжи, буквально разгибая ее застывшие, сведенные судорогой пальцы, и смотрю на ее лицо. Белое полотно, темные круги под огромными, иссушенными ужасом глазами. Но в них нет паники, лишь бездонная, выжженная дотла усталость, и... еще что-то новое. Твердая, как сталь, воля.

Я молча прижимаю ее к себе, укрывая полой тулупа, чувствуя, как она вся дрожит в ознобе.

Розвальни унося нас прочь от места бойни, где на белом снегу расплывались темные, безобразные пятна. Тишина, вернувшаяся в лес, казалась неестественной, оглушающей. В воздухе все еще висел едкий пороховой дым. Лошади шли неровно, то и дело всхрапывая и прядая ушами.

– Я... я не чувствую рук. – прошептала Ольга. – Мне кажется, они так и застыли на вожжах.

– Ты не просто их держала, – сказал я тихо, глядя на темную дорогу впереди. – Ты нас спасла, Оленька.

Она не ответила. Лишь тяжело, как-то по-детски, прижалась ко мне всем телом, утыкаясь лицом в жесткий мех моего тулупа. Ее плечи мелко дрожали в беззвучных рыданиях – отходная реакция на пережитый ужас.

– Отвези меня отсюда, Влад, – наконец донесся до меня ее приглушенный шепот. – Пожалуйста. В тепло. Куда-нибудь, где есть стены и огонь.

Я сильнее укутал ее тулупом, взял вожжи крепче. Теперь у нас была одна цель. Простая и ясная, как полярная звезда. Дойти. Выжить. Добраться до тепла.

– Держись, родная. Скоро Омск.

Мы въехали в Омск на уже рассвете – так в этом краю называется серое, мутное марево, не обещавшее ни света, ни тепла. Город встретил нас промозглым воздухом, запахом дыма из тысяч печных труб и скрипом промерзшего снега.

Ольга дремала, привалившись ко мне на плечо. Я видел ее лицо – осунувшееся, белое как снег, с темными, почти черными кругами под глазами. Адреналин боя прошел, оставив после себя лишь звенящую, ледяную пустоту и бездонную усталость. Что же – Соколов и казаки, я надеюсь, могли еще подождать. Первым делом надо устроить утомленную долгой дорогой супругу.

Лучшая гостиница города оказалась по-казенному неуютной, но, по крайней мере, теплой. Сняв номер, я дождался, пока растопят печь, лично проверил, не дует ли из окон, приказал подать горячий бульон и крепкий чай. Поймав полового, я сунул ему в руку полтинник.

– Никого не выпускать. Даже если сам губернатор явится. Пусть барыня почивает.

Затем я вошел к Ольге. Она сидела в кресле у голландской печки, укрытая пледом. Такая хрупкая в этом огромном, неуютном номере.

– Ты останешься здесь. Отдыхай, – сказал я. – Не успеешь оглянуться, как я вернусь с готовой каретой.

Слабо улыбнувшись, она кивнула. За эти сутки между нами родилось «абсолютное доверие».

На улицах Омска, взяв с собой искореженную деталь крепления, я быстро нашел мастерские: огромный, закопченный двор, где лязгало железо и валил густой черный дым. Подойдя к старшему артельщику – кряжистому, похожему на медведя бородатому мужику в кожаном фартуке, показал ему деталь и объяснил, что надо сделать. Он повертел в мозолистых руках обломок металла, хмыкнул.

– Работа сложная. Казенных заказов по горло. – Он лениво сплюнул на пол. – Недельку ждать придется, барин. А то и две!

Я не стал торговаться. Молча расстегнул сюртук и достал из внутреннего кармана документ, вложенный в тисненую кожаную папку. Положил на покрытый сажей верстак.

– Статский советник Тарановский. Срочно. Уже вчера надо!

Правильная бумага и командный голос открывал в Империи любые двери. Артельщик медленно протер руки о фартук, взял бумагу. Его глаза, до этого ленивые и презрительные, забегали по строчкам. Не знаю, читал он, или только делал вид, но медведь на глазах превратился в испуганного просителя.

– Ваше высокоблагородие... – промямлил он, стигаясь в поклоне. – Да что ж вы сразу не сказали! Сию минуту! Всех сниму, для вас сделаем!

Решив, однако, не доверять словам, я остался в адском пекле кузницы. Игнорируя запах раскаленного металла и оглушительный грохот молотов, я стоял и смотрел, как в огне горна рождается новая деталь. На меня косились, работные недовольно переговаривались «что этот истукан тут стоит?», но зато к полудню все было готово. Расплатившись так щедро, что у медведя-артельщика глаза вылезли на лоб, я решил ковать, пока горячо:

– Деталь – это полдела, – сказал я, холодно глядя на него. – Мне нужен человек с руками и головой. Чтобы поехал со мной сейчас, и на месте все сделал. Кто у тебя справится?

Артельщик, до этого лишь кланявшийся, тут же засуетился, почуяв возможность услужить еще больше.

– Есть такой, ваше высокоблагородие! Степан! Молодой, да ухватистый, как клещ! Смекалист, враз сообразит что к чему. Степ-ка-а! – рявкнул он в оглушительный грохот цеха.

Из полумрака, освещаемого сполохами горна, вышел парень лет двадцати пяти. Крепкий, ладный, весь в саже, только глаза и зубы на чумазом лице белели. Он вытер руки ветошью, глядя вопросительно то на меня, то на своего начальника.

– Вот он, батюшка. Степан, – подобострастно представил артельщик. – Лучше него с железом в Омске никто не управится.

Я окинул парня оценивающим взглядом. Крепкие, умелые руки. Ясный, неглупый взгляд. То, что нужно.

– Поедешь со мной, Степан, – сказал я прямо, без предисловий. – Верст сорок от города. Поставишь эту деталь на место. Инструмент свой бери нужный. За работу и скорость заплачу тройной дневной оклад. Наличными. Сразу.

Парень переглянулся с хозяином, тот лихорадочно закивал, мол, соглашайся, дурень, не раздумывай.

– Сделаю, ваше высокоблагородие, – коротко и по-деловому ответил Степан.

– Вот и славно, – кивнул я, затем снова повернулся к артельщику. – Чтобы через десять минут он был готов. И инструмент чтобы был в полном порядке.

– Мигом, ваше высокоблагородие! В лучшем виде! – засуетился тот, бросаясь выполнять приказание.

Усадив нанятого кузнеца с инструментами в сани, я поехал обратно, к покинутой мною карете. По дороге у заставы заехал в лавку. Купил хлеба, мороженого мяса, бутылку водки и отдельную, запечатанную темным сургучом бутылку французского коньяку. Водка – для работников. Коньяк – для соратников.

Путь назад показался до смешного коротким. Соколов и казаки встретили нас, как призраков. В их глазах было нескрываемое облегчение.

Пока кузнец Степка, при свете костров ремонтировал полоз, сипло ругая мороз, мы развели большой, жаркий костер. Затем я достал коньяк. Откупорил. Густой, пряный аромат ударил в нос. Мы с Соколовым и казаками выпили, не чокаясь, глядя на пляшущее пламя. И тут ротмистр, который все это время напряженно молчал, нарушил тишину. Голос его звучал хрипло и непривычно серьезно.

– Я служил под началом многих, господин Тарановский. Все Забайкалье изъездил, и на Кавказе бывал, – говоря это, он смотрел не на меня, а в самое сердце огня. – Но я никогда не видел, чтобы так беспокоились о подчиненных.

Он сделал паузу, потом поднял на меня свои светлые, ставшие вдруг очень ясными глаза.

– Я хочу сказать... Для меня будет честью служить *вам*. Не по долгу службы. А по-настоящему.

Это прозвучало, как присяга. Здесь, посреди ледяной пустыни, у простого костра, ротмистр Отдельного корпуса жандармов предлагал мне свою верность.

Наконец, работа была сделана. Ямщик и кузнец получили щедрое вознаграждение и по полштофа обжигающей водки, и мы поехали в Омск.

Дальнейший путь стал проще. Зима окончательно вступила в свои права, укатав Сибирский тракт в плотный, гладкий наст. Наш «ковчег», скользя на широких полозьях, летел вперед, пожирая версту за верстой. Внутри, в тепле нашего маленького мирка, Ольга почти оправилась от прошедших переживаний. Она много читала, иногда улыбалась своим мыслям, и в этом обретенном спокойствии была та стальная твердость, что родилась в ту страшную ночь.

Где-то под Красноярском наша быстрая шестерка начала догонять какой-то караван. Сначала я не придавал этому значения – ну сани и сани. Но обоз не кончался: десятки, а затем и сотни одинаковых, тяжелых, крытых серым брезентом саней, запряженных могучими битюгами, тянулись по тракту нескончаемой серой змеей. По бокам, верхом на выносливых сибирских лошадях, ехали люди в полушубках. Но это были не простые возницы. Их выправка, манера держаться в седле, винтовки за спинами – все говорило о военной косточке.

– Торговцы, должно быть? – с любопытством проговорила Ольга, прильнув к окну. – Никогда не видела такого большого каравана.

– Не торговцы, – глухо ответил я, напряженно вглядываясь вперед. Сердце забилося чаще.

Я приказал ямщику гнать во весь опор. Мы обгоняли десятки саней, и я, наконец, увидел лица охраны – суровые, обветренные, не улыбкающие. Затем я увидел и знакомые с Москвы лица офицеров.

Сомнений не было. Это была моя «инженерная экспедиция». Свои!

После первых приветствий ко мне подошел полковник Гурко. Он замер в двух шагах и, несмотря на мой штатский сюртук, отдал четкую, безукоризненную воинскую честь.

– Господин статский советник Тарановский! «Инженерная экспедиция» в составе тридцати двух офицеров и пятидесяти четырех нижних чинов следует по заданному маршруту. Потерь и происшествий нет. Груз в полной сохранности. Я принял рапорт коротким кивком.

– Состояние людей, полковник? Лошадей? Фуража хватает?

– Все в порядке, ваше высокоблагородие. Идем по графику.

Когда я вернулся в карету, и мы тронулись, опережая караван, она долго молчала. Тишина в нашем уютном «ковчеге» стала напряженной, звенящей. Наконец она повернулась ко мне. В ее глазах больше не было ни страха, ни любопытства. Была серьезная, взрослая тревога.

– Владислав, что это? – ее голос был тихим, но твердым. – Все эти люди... оружие в санях... Это ведь не для изучения тракта. Ты не просто так поедешь в Китай? Ты готовишь войну, не так ли?

Вопрос был задан. Прямо, без уловок. Она была готова к правде. Я взял ее руку в свою, чувствуя холод ее пальцев даже сквозь перчатку.

– Это не война, ангел мой, – ответил я, глядя ей прямо в глаза. – Это – скажем так, «строительство». Просто иногда, чтобы построить что-то действительно великое, приходится сначала расчистить место. Очень решительно!

Она не отвела взгляда. Долго, очень долго она смотрела на меня, и я видел, как в глубине ее глаз борется ее воспитание с той новой, стальной твердостью, что родилась в сибирской ночи.

Наконец, она медленно выдохнула, и ее пальцы чуть крепче сжали мою руку.

– Я не до конца понимаю весь твой замысел, Владислав, – ее голос прозвучал тихо, но удивительно ровно. – И, не скрою, я даже боюсь его. Но я твоя жена...

* * *

Иркутск встретил нас крепким мартовским морозом и ледяным ветром, заставлявшим стлаться по земле дым из многочисленных городских труб. Карета, скрипнув в последний раз полозьями, замерла. В наступившей тишине я услышал, как залаяли собаки, как звякнул засов на воротах, а затем – гулкий, основательный голос, отдающий приказания.

– Отворяй живее! Гости дорогие приехали!

На высокое, просмоленное крыльцо купеческой усадьбы выбежал сам хозяин – купец Лопатин, мой иркутский партнер и наместник, одетый в добротный, подбитый мехом тулуп, наброшенный прямо на домашнюю рубаху. Увидев меня, он просиял широкой бородой, но весь его вид выражал не столько радость, сколько глубокое, искреннее облегчение.

Он сам распахнул дверцу нашего «ковчег» и с почти отеческой заботой помог выбраться Ольге, кутая ее в ее же меха.

– С прибытием, Владислав Антонович! А хозяйшку-то нашу совсем заморозили, супостаты! Ничего, ничего, – гудел он, ведя ее к дверям, – сейчас мы вас отогреем! Самовар уже кипит, пироги в печи!

Наконец-то после долгих месяцев пути мы оказались в большом, теплом и гостеприимном доме! Контраст был ошеломляющим. После недель ледяной пустыни, воя волков и про-

низывающего ветра мы шагнули в иной мир. В жарко натопленной гостиной пахло смолистым теплом горящих березовых дров, свежей выпечкой и воском от натертых до блеска полов. Огромная изразцовая печь дышала живым, ласковым жаром. Ольга с блаженной улыбкой опустилась в глубокое кресло, подставив озябшие руки огню, и я почувствовал, как спадает напряжение, державшее меня в тисках все это долгое путешествие. Мы добрались. Мы, можно сказать, дома.

Первые полчаса натуральным образом вернули нас к жизни. Слуги бесшумно накрывали на стол, на белоснежной скатерти появился сверкающий медный самовар, блюда с пирогами, розетки с брусничным вареньем, мед. Мы пили обжигающий, ароматный чай, и тепло медленно разливалось по телу, возвращая к жизни застывшие жилы.

Когда первая волна усталости схлынула, Лопатин, видя мой вопросительный взгляд, перешел к делу.

– Дела на Бодайбо, Владислав Антонович, – начал он с нескрываемой гордостью, – идут так, что только диву даешься! Басаргин наш – золото, а не инженер! Новые машины осваивает, рабочих в струне держит. Мы план не то что выполнили – мы его втрое перекрыли! Золото рекой идет!

Я удовлетворенно кивнул. Главный мой актив работал и приносил прибыль. Но я видел, что Иннокентий мнется, и радость на его лице сменилась озабоченностью.

– Только вот одна заноза нам спокойно жить не дает. Сибиряков... Ольга, до этого с улыбкой слушавшая об успехах, едва заметно нахмурилась.

– Суд в Гражданской палате он затягивает, – продолжал Лопатин, понизив голос. – Крючковторам своим платит, клерков подмазал. Бумаги теряются, свидетели «хворают». Может год так тянуть. Но это полбеда. Он, змея подколодная, по-другому бить начал. Он подался вперед, его голос стал почти шепотом.

– Распускает по купеческому собранию, по клубам, среди чиновников слухи. Что вы, мол, человек ниоткуда, выскочка. Что капиталы ваши – нечистые, чуть ли не разбойные. Что имя ваше не то, за кого вы себя выдаете. Под репутацию вашу, Владислав Антонович, подкапывается. Грязью поливает исподтишка...

Я слушал все это с ледяным спокойствием. Ольга устало вздохнула, отставляя чашку. Похоже, Сибиряков понял, что в открытом бою ему не победить. И он начал «партизанскую войну», нанося удары по самому ценному моему активу здесь, в Иркутске, – по моей репутации. В этом консервативном, замкнутом мире слух мог убить вернее пули. Пытаться оправдываться, спорить – значило сразу проиграть, увязнув в этой грязи. Нужен был другой ответ. Асимметричный. Удар такой силы, чтобы от репутации самого Сибирякова не осталось и пыли.

Я посмотрел на Лопатина.

– Что ж. Мы не будем спускаться на его уровень. Мы просто выиграем суд, взыщем с него кучу денег, о чем будет знать весь Иркутск. Я вызываю своего специалиста!

Через час я уже стоял в промозглой конторе Иркутского телеграфа. Молодой телеграфист принял у меня бланк, и его глаза полезли на лоб, когда он начал читать текст, который я собирался отправить в далекую Москву. Он с испугом посмотрел на меня, потом снова на бланк, понимая, что становится свидетелем объявления тотальной войны, которая всколыхнет всю Сибирь. Я ждал. В наступившей тишине был слышен лишь треск дров в печке-голландке. Наконец, телеграфист, сглотнув, принялся за работу. Металлический щелкунчик телеграфного аппарата забился в лихорадке, отстукивая в ледяную даль империи сухой, безжалостный приговор.

МОСКВА ТЧК ПРИСЯЖНОМУ ПОВЕРЕННОМУ ПЛЕВАКО ФЕДОРУ НИКИФОРОВИЧУ ТЧК НЕОБХОДИМА ВАША ПОМОЩЬ ИРКУТСКЕ ТЧК ДЕЛО ПРОТИВ КУПЦА СИБИРЯКОВА ТЧК ЦЕЛЬ НЕ ПОБЕДА А ПОЛНОЕ ПУБЛИЧНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ЕГО

*РЕПУТАЦИИ ТЧК ГОНОРАР И РАСХОДЫ НЕОГРАНИЧЕНЫ ТЧК ВЫЕЗЖАЙТЕ НЕМЕД-
ЛЕННО ТЧК ТАРАНОВСКИЙ*

Глава 4

Телеграмма для Плевако, сухая и безжалостная, улетела в Москву. Я сделал свой ход в юридической войне против Сибирякова. Но сидеть и ждать, пока столичный гений адвокатуры прибудет в Иркутск, было непозволительной роскошью. Сибиряков и Бодайбо конечно важно, но будущее Маньчжурии – важнее.

Необходимо было немедленно закрепить мой новый статус в глазах верховной власти Восточной Сибири.

Я вернулся в гостиную, где Лопатин и Ольга обсуждали планы по обустройству дома.

– Никифор Семенович, мне нужен твой экипаж. Немедленно.

– Куда, Владислав Антонович? – всполошился купец. – Ты же только с дороги!

– Во дворец. К его превосходительству.

Подозвав ротмистра Соколова, который, верный своей новой роли, я отдал короткий приказ:

– Ротмистр, поезжайте к губернатору. Доложите его превосходительству, что статский советник Тарановский прибыл в Иркутск и будет у него через час с докладом.

Соколов, не задавая ни единого вопроса, козырнул и исчез. Это было даже удобнее, чем я думал: мой «ангел-хранитель» из Третьего Отделения теперь работал моим личным адъютантом, открывая любые двери.

Через час экипаж Лопатина, сверкая лаком, подкатил к знакомому дворцу генерал-губернатора. Я ехал не как подследственный в санях конвоя, а как важная персона.

Во дворце меня уже ждали. Адъютант встретил меня у самого входа. Никакого униженного ожидания в приемной. Меня немедленно, с глубоким почтением, проводили по гулким коридорам к знакомому кабинету. Дверь передо мной распахнули.

Картина изменилась. Корсаков стоял не за столом, а у огромной, во всю стену картины, на которой было изображен корабль, попавший в шторм. Он был один. При моем появлении он обернулся. На его лице не было и тени прошлого гнева.

Он кивком указал на кресло и, к моему удивлению, на графин с коньяком на малом столике.

– С прибытием, Владислав Антонович. Дорога, полагаю, была нелегкой. – Он не стал садиться сам, показывая, что встреча носит сугубо рабочий характер. – Докладывайте.

Я начал свой доклад. Коротко и по существу, без лишних эмоций и, упаси боже, хвастовства. О том, что мои предложения, основанные на добытых разведданных, были рассмотрены в Петербурге на самом высоком уровне. Я упомянул Великого Князя Константина и аудиенцию у Государя. Я не махал именами, я констатировал факт: моя частная инициатива получила статус государственной операции.

Переходя к сути, я использовал выверенные, «обтекаемые» формулировки.

– Таким образом, Ваше Превосходительство, речь идет не о «захвате», а о «создании пояса безопасности» на наших дальневосточных рубежах. Не о «вторжении», а о «поддержке лояльных России местных сил», с целью не допустить британского влияния в регионе, критически важном для нашей амурской навигации.

Я подавал это не как агрессию, а как превентивную меру защиты интересов Империи.

Корсаков слушал, заложив руки за спину. Его лицо было непроницаемо. Он – старый имперский хищник, и прекрасно понимал истинный смысл моих дипломатических реверансов.

– У вас есть официальные бумаги, подтверждающие ваши... столь широкие полномочия? – спросил он, задавая главный, ожидаемый вопрос.

– Ваше Превосходительство разве на такое дают бумаги? Если у вас возникли вопросы, предлагаю вам для полной уверенности связаться с Петербургом по телеграфу. Прямой запрос на имя генерала Игнатьева в Азиатский департамент.

Эта готовность к немедленной проверке была лучшим доказательством моей правоты. Корсаков удовлетворенно кивнул. Последние сомнения, если они и были, развеялись.

– Чем я могу содействовать? – коротко спросил он, переходя к делу.

– Мне нужны ресурсы. Не деньги, – поспешил добавить я, видя, как он напрягся. – Мне нужен ваш административный приказ.

Я изложил свои требования.

– Первое: провиант. Мой экспедиционный корпус – офицеры и специалисты – уже на подходе. Мне необходимо обеспечить их провиантом и фуражом со складов военного ведомства по казенным ценам. – Второе: добровольцы. Мне нужно ваше официальное разрешение на набор добровольцев из числа амурских и забайкальских казаков. Слух о моем деле уже пошел, желающие будут. – И третье. «Особый контингент».

Я выдержал паузу, переходя к самому деликатному вопросу.

– Вы сами жаловались на переполнение тюрем поляками и прочими бунтовщиками. Это обуза для казны. Я предлагаю превратить эту обузу в ресурс. Позвольте мне провести агитацию и отбор людей в лагерях и на пересылках. Я дам им шанс искупить вину перед Государем не в сибирских рудниках, а на строительстве дорог и укреплении границ Империи.

Корсаков долго молчал, обдумывая масштаб моих запросов.

Наконец он встал, подошел к столу и ударил в колокольчик.

– Телеграмму в Петербург я отправлю сегодня же, – сказал он, пока за дверью не послышались шаги адъютанта. – А пока, господин Тарановский, можете считать, что мое полное содействие вам обеспечено. Готовьте ваши требования для интендантства.

Дверь открылась.

– Сибири нужны смелые решения, – подытожил губернатор, вновь поворачиваясь ко мне. – И, кажется, вы именно тот человек, который не боится их принимать.

Он протянул мне руку. Крепкое рукопожатие двух «хозяев тайги». Я получил то, за чем пришел – полный карт-бланш.

Но я не спешил уходить и позволил себе перехватить инициативу, пока он был «теплым». Это был мой лучший шанс продать главный проект, без которого любая война на Востоке была бы бессмысленной.

– Ваше превосходительство, – начал я, возвращая его из-за Амура обратно, вглубь его собственной губернии. – Любая военная кампания, да и само существование наших портов на Тихом океане, будет висеть на волоске, если мы не укрепим тыл. А наш главный тыл, вся Якутия и богатейший Ленский бассейн, по сути, отрезаны от Иркутска на полгода бездорожьем.

Корсаков нахмурился. Я попал в самую больную, самую застарелую язву его администрации.

– Ленский волок, – продолжал я, называя вещи своими именами. – Три недели в лучшем случае, ваше превосходительство. Три недели обоз тащится по весенней грязи или осенней хляби от Ангары до Лены. Стоимость доставки пуда муки в Качуг возрастает вчетверо. До трети груза портится или расхищается на этом «волоке». Это не торговый путь. Это – болезнь, которая душит развитие всего северного края.

Я подошел к огромной карте, расстеленной на соседнем столе.

– А что, если этот путь можно будет пройти не за три недели, а за один день?

Губернатор нахмурился, слушая меня.

– Железная дорога. Всего триста-четыре версты. Но эти версты изменят всё.

Я видел, как расширились глаза старого администратора. Он мгновенно понял, о чем идет речь.

– Первое – финансы, – я начал загибать пальцы, апеллируя к его хозяйственной жилке. – Вся торговля с Якутией – пушнина, золото, провиант – пойдет по этому пути. Стоимость доставки любого груза на Лену упадет вдвое, скорость вырастет в разы. Иркутск станет настоящими воротами на Север, а не тупиком, как сейчас.

– Второе – военная стратегия. В случае любой угрозы на Амуре, будь то китайцы или те же англичане, мы сможем перебрасывать батальоны и пушки к верховьям Лены и далее по реке не за месяцы, а за неделю.

Я сделал паузу, переходя к главному козырю, который он сам мне только что вручил.

– И третье, ваше превосходительство, – рабочие руки. Нам понадобятся тысячи человек. Тех самых каторжан, поляков и бунтовщиков, которые сейчас без дела сидят в ваших острогах и проедают казенные деньги. Мы дадим им работу, зачет сроков и цель. Мы превратим государственную обузу в двигатель прогресса.

Корсаков, ошеломленный этим напором, предсказуемо ухватился за главный вопрос.

– Но капиталы! Кто это будет финансировать? Казна таких денег не даст.

– Казна и не понадобится, ваше превосходительство, – спокойно ответил я. – Я уже заручился поддержкой крупнейших московских и уральских промышленников – Кокорева, Мамонтова. Это будет частная концессия под патронажем государства. От вас, как от представителя Государя, потребуется лишь высочайшее содействие: отвод земель, разрешения и... люди.

Выдержав паузу, я нанес завершающий, самый тонкий удар.

– Но даже когда мы построим эту дорогу, ваше превосходительство, мы столкнемся с главной бедой Сибири, о которой так сокрушался ваш помощник, господин Загоскин. Нехватка мозгов. Нам нечем будет управлять этой дорогой. Не хватит инженеров, врачей, учителей.

– В Петербурге, – продолжал я, используя идеи самого Загоскина, – опасаются открывать здесь университет, боясь вольнодумства. Что ж, не будем торопить события. Но новый «Устав гимназий и прогимназий» тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года дает частным лицам право открывать средние учебные заведения.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Так давайте начнем готовить почву! Я, как частное лицо, и мои компаньоны – Кокорев, Лопатин, Мамонтов – готовы учредить и финансировать в Иркутске гимназию. Чтобы через десять лет, когда Империя наконец созреет для Сибирского университета, у нас уже были готовые, прекрасно образованные студенты. Чтобы нам не пришлось униженно выпрашивать специалистов из столиц. Мы воспитаем их здесь.

Этот последний аргумент окончательно сломил его. Корсаков смотрел на меня уже не просто с уважением, а с откровенным азартом.

– Чертовски смело, господин Тарановский! И весьма обстоятельно! – пророкотал он. – Университет начинается с гимназии, а империя – с дороги. Считайте, что мое полное содействие вы имеете. Готовьте прошение. Я подпишу его и отправлю в Петербург со своей личной рекомендацией!

Я вышел из кабинета Корсакова с чувством глубокого удовлетворения.

Я попросил адъютанта проводить меня в канцелярию советника Загоскина.

Михаил Васильевич встретил меня с вежливой, но явной иронией. Его кабинет, заваленный пыльными папками с проектами и картами, был обителью теоретика, давно разуверившегося в практике.

– Владислав Антонович, какими судьбами? – он оторвался от бумаг, и в его умных глазах блеснула насмешка. – Снова пришли убеждать сибирских ретроградов в пользу прогресса? Боюсь, все наши разговоры о гимназиях так и останутся сотрясением воздуха.

Я сел в кресло напротив него, не обращая внимания на иронию.

– Михаил Васильевич, я только что от генерал-губернатора, – спокойно начал я. – Мы получили его полное и безоговорочное одобрение на начало проектно-изыскательских работ по строительству Ангара-Ленской железной дороги.

Загоскин замер. Его рука с пером зависла над чернильницей. На лице отразилось изумление. Он, который годами писал записки и проекты, тонувшие в петербургских канцеляриях, не мог поверить, что дело сдвинулось с мертвой точки за один час.

– Как?.. – выдохнул он. – Но финансирование... разрешения из Министерства...

– Финансирование будет частным, – отрезал я. – Концессия. Я уже заручился поддержкой Кокорева, Мамонтова и уральских промышленников. Одобрение «на самом верху», как вы понимаете, тоже получено. Это не просто идея. Это – работающий механизм, который запускается прямо сейчас.

Скепсис на лице Загоскина начал таять, сменяясь лихорадочным возбуждением. Он вскочил, обошел стол.

– Но... но это же гигантский труд! Изыскания, расчеты...

– Вот за этим я и пришел, – я остановил его поток слов. – Дорога, Михаил Васильевич, это не только рельсы и шпалы. Мне нужен не просто инженер-исполнитель. Мне нужен человек, который видит картину целиком. Человек, который способен спроектировать и возглавить величайшую стройку в истории Сибири.

Я выдержал паузу и посмотрел ему прямо в глаза.

– Я пришел предложить эту работу вам. Оставьте эту пыльную канцелярию. Поступите ко мне на службу. С жалованьем втрое больше вашего нынешнего и с полномочиями, ограниченными только вашим талантом.

Загоскин ошеломленно смотрел на меня. Он ходил по кабинету, взволнованно теребя бороду. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. И тут я нанес завершающий удар.

– И когда мы с вами построим эту дорогу, Михаил Васильевич, – тихо, но веско сказал я, – по ней в Иркутск хлынут не только товары. По ней хлынут деньги и люди. У нас будут и средства, и логистика, чтобы реализовать вашу главную мечту.

Он замер.

– Мы привезем сюда лучших профессоров и тысячи книг. Дорога – это первый, самый важный шаг к вашему Сибирскому университету. Она сделает его не просто возможным, а абсолютно необходимым.

Эти последние слова сломали его. Он остановился, посмотрел на меня горящими глазами, и на его лице появилось выражение почти детского восторга.

– Боже мой... – выдохнул он. – Дорога к Университету... Стальная дорога к знаниям...

Он бросился к своему столу, начал лихорадочно рыться в бумагах, вытаскивая какие-то старые, пожелтевшие карты, расчеты, сметы.

– Я знал! Я всегда знал, что это возможно! Вот, смотрите, у меня тут есть предварительные выкладки по рельефу... Я начну немедленно! Когда приступаем?

Я спокойно улыбнулся, глядя на этот взрыв энтузиазма. Я встал.

– Приступайте прямо сейчас, Михаил Васильевич. Считайте это вашим первым рабочим днем. Готовьте смету на изыскательскую партию. Деньги будут завтра.

Я протянул ему руку. Загоскин с жаром стиснул ее, даже не замечая пыли на своих пальцах. Вербовка состоялась.

Вернувшись в дом Лопатина поздно вечером, выжатый, но удовлетворенный. Все рычаги были запущены. Я прошел через прихожую и остановился на пороге гостиной.

Картина, открывшаяся мне, была настолько мирной, что показалась нереальной. В жарко натопленной комнате, у сверкающего самовара, сидели Ольга и жена Лопатина, Агния Федоровна. Они тихо беседовали о чем-то своем, женском, – о грядущем материнстве, о моде, о

рецепте кулебяки. Ольга смеялась, ее лицо, освещенное теплым светом лампы, было спокойным и счастливым.

Я кашлянул, входя в комнату. Ольга тут же вскинула на меня сияющие глаза.

– Никифор Семенович, – обратился я к Лопатину, который дремал тут же, на диване, – не хочу стеснять вас больше необходимого. Мы с Ольгой Александровной должны обрести свой дом.

Лопатин тут же вскочил.

– Да что ты, Владислав Антонович, помилуй Бог! Да живите хоть год! Места хватит!

– Спасибо за гостеприимство, – я остановил его. – Но пора. Есть ли в Иркутске на примете что-то стоящее? Мне нужна не просто изба. Мне нужна поместье. Место, где моя семья будет в абсолютной безопасности.

Лопатин, поняв, что я не шучу, тут же загорелся. Для него это была новая, азартная игра – найти лучшее гнездо для своего могущественного партнера.

– Есть пара вариантов! – пробасил он. – Завтра же и поглядим!

На следующий день, оставив Ольгу на попечение Агнии Федоровны, мы отправились на «охоту».

Первый же дом – большой деревянный особняк купца-золотопромышленника, разорившегося на картах, – я отверг с порога. Снаружи он выглядел солидно, но внутри... Я шагнул в гулкую, холодную залу, и меня будто ударило волной затхлости. Запах старого дерева, мышей, застарелой пыли и чего-то еще – чужого, несчастного.

– Тут купчиха мужа топором зарубила, а потом сама удавилась, – шепотом, как о главном достоинстве товара, сообщил Лопатин.

– Здесь плохая история, – отрезал я, пятясь к выходу. – Поехали дальше.

Второй дом, каменный, в самом центре, был новым, крепким, но... безликим. Я ходил по пустым, гулким комнатам и чувствовал, что это чужое пространство. Холодное, казенное.

– Построено без души, на скорую руку, – сказал я, пнув сапогом стену и прислушиваясь к звуку. – Это не дом, а декорация.

Я заметил тонкую, едва видную трещину у фундамента.

– Здесь нет основы. Все поползет через пять лет.

Расстроенные, мы заехали в добротный трактир «Сибирь» на Амурской улице – пропустить по стопке и согреться.

– Ну что ж ты, Владислав, как барышня кисейная! – искренне недоумевал Лопатин, опрокидывая рюмку. – Дом – он и есть дом! Покрасить, подбелить... Стерпится – слюбится!

Я мрачно молчал. Наш разговор, видимо, подслушал седоусый трактирщик, протиравший стойку.

– Простите, господа, что встречаю, – пробасил он, не отрываясь от дела. – Да только зачем вам чужое-то гнездо покупать, коли свое свить можно?

Лопатин удивленно поднял бровь.

– У нас тут место есть, лучше не придумаешь, – продолжал трактирщик. – Пустырь за Тихвинской церковью, на самом яру. Над Ангарой. Вид – дух захватывает! Земля казенная, почитай, даром хорошему человеку отдадут.

Через десять минут, мы уже стояли там.

Мы вышли из саней и подошли к самому краю высокого, обрывистого берега. Под нами, в десятках саженей внизу, скованная тяжелым, бирюзовым льдом, лежала могучая, бескрайняя Ангара. На другом берегу в морозной дымке тонули огни Иркутска. Вокруг – ни души. Только ослепительная белизна нетронутого снега и гулкий, чистый ветер, от которого перехватывало дыхание.

Я стоял на краю этого обрыва, и ветер трепал полы моей шинели.

Весь мой путь – каторга, побег, Маньчжурия, биржевые войны, петербургские кабинеты
– все это вдруг обрело свой центр, свою точку опоры. Здесь.

Я, человек без корней, наконец-то нашел свою землю.

– Вот оно, – тихо сказал я, больше себе, чем Лопатину.

Я повернулся к ошеломленному купцу, и в моих глазах, уверен, горел огонь не просто покупателя, а творца, нашедшего свой холст.

– Здесь будет мой дом!

Глава 5

На следующее утро, едва восточный край неба над Иркутском окрасился в холодный, пронзительно-розовый цвет, мы с Лопатиным уже тряслись в сани. Мороз был таким крепким, что воздух, казалось, звенел, а полозья скрипели на все лады, катясь по синему, заезженному насту. Сегодняшней нашей целью был земельный департамент, где я и хотел выкупить землю.

К сожалению, меня огорчили, и земля оказалась совсем не казенной, а принадлежавшей купцу Прохорову и пришлось ехать к нему.

Встреча с ним была обставлена по всем канонам сибирского торга. Купчина, разбогатевший на торговле мукой, отгрохал себе двухэтажный особняк в центре Иркутска. Нас провели в жарко, до духоты натопленную гостиную, где от тепла и запаха дорогих свечей, воска и свежей выпечки моментально начинала кружиться голова.

Сам хозяин, Василий Захарович Прохоров, оказался щуплым, суетливым купчишкой с бегающими глазками и маслянистой улыбкой. Он тут же начал ритуал. Налил чаю в тонкие фарфоровые чашки, пододвинул блюда с баранками и пастилой, завел долгий, витиеватый разговор «за жизнь» – о невиданных для февраля морозах, о взлете цен на овес, ну и конечно же о том, как тяжело нынче честному человеку вести дела. Я терпеливо кивал, пил обжигающий чай и ждал. К тому времени мне уже удалось выучить всю нехитрую последовательность «деловых переговоров» по-иркутски: сначала контрагент долго жалуется, как тяжела его жизнь, и раньше было лучше, чтобы потом было не совестно запросить за кусочек земли тройную цену.

– Место-то, о котором речь, – наконец перешел он к делу после получаса жалоб, – оно ведь не простое. Дед мой, Силантий Пафнутьич, там еще зимовье ставил, царствие ему небесное. Намоленное место, почитай. Сердце кровью обливается продавать, да нужда, батюшка, нужда заставляет!

Он артистично промокнул сухой глаз платком. Лопатин понимающе крикнул, подыгрывая ему. А вот у меня совершенно не было желания участвовать в этом балагане. Время – единственный ресурс, который я не мог себе позволить тратить. Мне никто его не вернет.

И, когда Прохоров завел волюнку о том, как будет тосковать по этому месту его больная супруга, я решил, что ритуал соблюден в полной мере. Резко поставив чашку на блюдце, я встал. Купец осекся на полуслове, глядя на меня непонимающими глазами. Я посмотрел ему прямо в его бегающие глазки.

– Василий Захарович, я ценю ваше гостеприимство и понимаю вашу скорбь, – произнес я тоном, не оставляющим сомнений, что ничего я не ценю и не разделяю. – Но время мое дорого. Вот мое вам предложение: пять тысяч рублей. Ассигнациями. Сегодня, через час, у поверенного.

Прохоров подавился чаем. Лопатин ошарашенно замер, забыв закрыть рот.

– Помилуйте, ваше высокоблагородие, – залепетал купец, вмиг забыв о своей скорби.

– Да за такое-то место... Да там один вид...

– Мое предложение окончательное, – отрезал я. – Пять тысяч, здесь и сейчас. Либо я уезжаю и ищу другой участок. Вы, может быть, не в курсе, ну у Ангары очень длинные берега. Уверен, полуверстой далее я найду землю не хуже, по цене в десять раз меньшей. Решайте. Я смотрел на него, не отводя взгляда. Он пытался что-то возразить, искал поддержки в глазах Лопатина, но наткнулся с его стороны лишь на растерянность. В моих же глазах не было ни капли желания торговаться. Только холодная, деловая констатация факта. Сделка, которую он планировал обставлять неделю, рискуя, уговаривая и выторговывая каждую сотню, должна была совершиться или умереть в ближайшие полминуты.

И он сломался.

– Извольте, – просипел он, опускаясь на стул. – Ваша взяла.

Вернувшись в контору Лопатина после визита к поверенному, где униженный, но ставший внезапно богатым Прохоров трясущейся рукой подписал купчую, я сразу же поставил новую задачу.

– Мне нужен подрядчик в Иркутске. Не болтун и не вор. Человек, который сможет быстро и качественно построить.

Лопатин, все еще находясь под впечатлением от моей тактики ведения переговоров, надолго задумался, почесывая в затылке.

– Ну, есть такие, – наконец сказал он. – Да только подход к ним нужен особый. Кержаки. Живут своей общиной, за Ангарой. Народ суровый, гордый. На подряд идут неохотно, считают баловством. Но уж если взялись – сделают, как для себя. Крепче их срубов в Сибири не сыскать. Ехать надо к их старшему, к Евсею. Только он мужик, как скала, говорить с ним надо коротко и по делу!

– Отлично, это по мне. Поехали прямо сейчас!

Лопатин крикнул, покрутил головой в стиле «эка ты какой нетерпеливый» и направил сани на другой берег Ангары.

Миновав заставу, мы ехали еще минут двадцать, когда Лопатин указал на видневшийся впереди высокий, сплошной заплот – забор из массивных, плотно пригнанных друг к другу горизонтальных плах, потемневших от времени до благородного серебристого цвета. За ним виднелись крутые скаты тесовых крыш. Это была не просто деревня. Это была небольшая, самодостаточная крепость.

Когда мы подъехали к массивным, кованым воротам, я жадно впитывал детали. Здесь не было ничего показного, ничего лишнего. Красота заключалась не в декоре, а в абсолютной, функциональной безупречности. Я смотрел на срубы огромных, двухэтажных изб, и мой взгляд, привыкший в прошлой жизни оценивать качество строительства, отмечал все, вплоть до малейших деталей.

Бревна... Идеально ровные, толщиной в два обхвата, они были подогнаны друг к другу с такой точностью, что казались монолитом. Сруб был поставлен «в обло», с выступающими углами, и пазы между венцами были пробиты мхом так плотно, что в них не просунуть было и лезвия ножа. Я знал, что внутри такой избы зимой будет тепло, а летом – прохладно, и стены ее не «поведет» и через сто лет.

Крыши, покрытые тесом в несколько слоев, венчали тяжелые коньки-охлупни, вырезанные из цельного ствола. Наличники на небольших окнах были украшены строгой, почти аскетичной геометрической резьбой – не для красоты, а, скорее, как оберег, древний знак. Ни капли краски, ни одного кричащего элемента. Все говорило о невероятном терпении, мастерстве и глубоком, почти религиозном уважении к материалу.

Это были дома-ковчег, построенные не на одно поколение. Что же, мы явно в правильном месте. Люди, которые строят *так* для себя, просто не умеют и не позволяют себе сделать по-другому для чужого.

Я уже знал, что мой дом будут строить именно они.

Лопатин показал на один из домов, и спустя десяток секунд сани остановились у ворот. Пару криков под лай собак, и из ворот вышел хозяин.

Кряжистый, широкоплечий мужик с накинутой шубой на плечи. Длинная, седая борода, ясные и строгие, как лед Байкала, глаза. Конечно, он сразу же понял, что мы непростые люди, но в его взгляде я не заметил ни подобострастия, ни страха. Лишь сдержанное достоинство уверенного в своих силах мастера.

– Здравствуйте меня зовут Владислав Антонович. Вы – Евсей? – спросил я, выходя из саней.

Он молча кивнул.

Дальнейший разговор был таким же простым и крепким, как его избы.

– Вас рекомендовали и советовали, как лучших строителей. Я хочу построить дом, – сказал я, – На обрыве, у Богоявленского собора. Два этажа, из зимней лиственницы, на каменном фундаменте. С толстыми стенами, сухими подвалами и крышей, чтобы не текла. Чтобы внуки в нем жили.

Евсей долго смотрел на меня, потом на Лопатина, потом снова на меня.

– Место хорошее, – наконец произнес он. – Дом большой хочешь. Работа тяжелая. Надолго.

– Плачу хорошо, – ответил я. – Материалы – лучшие, какие найдешь. Деньги на них – вперед. Одно условие: работа должна начаться через неделю и не останавливаться до больших морозов. И чтобы ни одной гнилой доски не было, ни одной щели.

Евсей не торговался. Он задал несколько коротких вопросов: «Фундамент какой глубины класть будем? Крышу чем крыть изволишь – тесом аль железом? Печи-голландки? Второй этаж из лиственницы, или можа из кедра? Планировку дадите, аль так будем?»

Получив ответы, он надолго замолчал, обдумывая. Казалось, я видел, как в его голове складывается вся картина будущего дома.

– Вижу, человек ты основательный. Понимаешь толк, – наконец сказал он, и в его суровых глазах промелькнуло уважение. – Сделаем.

Никаких бумаг мы не подписывали: он просто протянул мне свою руку – широкую и твердую, как дубовая доска.

Еще полчаса ушло на то, чтобы наметить план работы. Он был прост и логичен. Сейчас, по последнему морозу, пока санный путь еще держался, его артель начнет самое главное – заготовку леса. Они пойдут в тайгу, будут валить лучший строевой листвяк и кедр, вывозить бревна на берег.

Затем, пока земля будет оттаивать, они начнут «рубить сруб» – ставить его прямо у себя на заимке, бревно к бревну.

И только потом, когда оттает и просохнет земля на моем участке, они разберут этот готовый, идеально подогнанный конструктор, перевезут его через Ангару и в считанные недели возведут на уже устроенном каменном фундаменте к этому времени. Таков был единственно верный, веками выверенный сибирский подход – не спорить с природой, а использовать ее силу и следовать ее ритмам.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы, оставив задаток, наконец вернулись в город. Казалось, сруб для моего дома уже начал свою жизнь, еще даже не обретя своего места. А это значило, что основание моей будущей сибирской жизни будет заложено надежными руками.

Через два дня, когда утренняя суeta в доме Лопатина была в самом разгаре, во двор въехали незнакомые сани. Адьютант генерал-губернатора, щеголеватый поручик, вошел в дом, чеканя шаг, и с подчеркнутым, почтительным поклоном вручил мне официальный пакет с гербовой печатью.

Я вскрыл его там же, в прихожей. Внутри, на плотной гербовой бумаге, было короткое предписание: телеграфный ответ из столицы получен. Высочайшее соизволение на привлечение к службе ссыльнокаторжных для исполнения особой государственной надобности представлено.

– Немедленно запрягать! – бросил я Лопатину, не обращая внимания на его изумление. – Еду в тюремный замок.

Иркутский острог встретил меня ледяным безмолвием и тяжелым запахом несчастья. Здесь, за высокими стенами с караульными вышками, казалось, даже сам воздух был пропитан отчаянием. На мгновение мне даже показалось, что я вернулся в мою прежнюю каторжную жизнь. Сколько же этих острогов я перевидал по дороге до Кары!

Начальник острога, выцветший, уставший от десятилетий службы полковник с одутловатым лицом, встретил меня с едва скрываемым скепсисом. Он видел высочайшее повеление,

но в глазах его читалось: «Еще один прожектор из столицы. Поиграется и уедет, а мне с этим сбродом потом разбираться».

По его приказу всех «свободных от работ» каторжников выгнали на промерзший плац. Сотни людей. Серая, однообразная масса в арестантских робах с бубновыми тузами на спинах. Они сбились в угрюмую, враждебную толпу, глядя на меня – нарядного, сытого «барина» в дорогой шубе – с плохо скрываемой ненавистью. Из толпы доносились циничные смешки и утробный, глухой кашель – вечный аккомпанемент сибирской каторги.

Я поднялся на низкое, заснеженное крыльцо караульного помещения и окинул их взглядом.

Я не стал начинать с обещаний. Мой голос, усиленный морозным воздухом, прозвучал жестко и громко, перекрывая их враждебный гул.

– Смотрите на себя. Вас списали со счетов. Вы – отбросы, которыми Империя удобряет эту мерзлую землю. Большинство из вас сдохнет здесь – от цинги, от чахотки, от розги, от ножа. Кто-то попробует бежать и помрет по пути. Ваша жизнь не стоит и ломаного гроша!

Толпа затихла. Смешки прекратились. Я ударил их правдой, голой и жестокой, и они, ошеломленные, замолчали. Ну а теперь, когда я привлек их внимание, можно переходить к сути дела.

– Но я пришел сюда не жалеть вас, – продолжал я, интонацией словно вбивая в их головы каждое слово. – Я пришел предложить сделку. Государству нужна железная дорога. А мне – рабочие руки, чтобы ее построить.

По толпе прошел недоумевающий ропот.

– Те, кто пойдет со мной, – я повысил голос, – получают человеческое отношение. Получат новую, чистую одежду, теплую обувь и нормальный обиход. Пайку – полную, солдатскую, с мясом и хлебом, а не ту баланду, которую вы жрете здесь.

Я сделал паузу, переходя к главному.

– И самое важное: каждый день работы на стройке будет засчитан вам за три дня каторги.

На плацу повисла мертвая тишина. Я видел, как в серых, угрюмых лицах проступает недоверие, как они начинают лихорадочно считать. День за три. Это означало, что десятилетний срок превращался в три с небольшим года. Это был не просто шанс – это был выход.

По толпе пошли шепотки. Это было уже нечто осязаемое. Не сказки о свободе, а конкретное, выгодное предложение.

Я смотрел на них. Это был хороший, крепкий материал. Но я видел и то, что будет *после*. Они отработают, выйдут за ворота... и что? Куда они пойдут с «волчьим билетом»? С клеймом каторжника? Таких ждало либо вечное батрачество, либо возвращение на большую дорогу. Они получают свободу, но не получают будущего.

Пора было рискнуть.

– Это – для всех, – сказал я громко. – Но есть и другой путь.

Толпа снова затихла, пытаясь понять, в чем подвох.

Я сделал паузу, обводя взглядом их напряженные лица. У меня давно в голове грелась одна рискованная идея, и решил пойти на эту авантюру.

– Путь для тех, кому мало просто скостить срок. Для тех, кто готов искупить свои преступления перед страной и людьми не потом, а кровью.

– Мне нужны не просто рабочие. Мне нужны солдаты. Те, кому нечего терять. Те, кто готов умереть, но и получить шанс на *полное* очищение имени.

Я видел, как напряглись некоторые из арестантов.

– Тот, кто пойдет со мной в бой, получит лучшее английское ружье, добрый паек и жалование. Тот, кто выживет, – получит полное прощение и чистые бумаги и новую жизнь. Но предупреждаю: отбор будет жестоким. Я сам буду отбирать каждого.

Наступила тишина. И тут ее разорвал хриплый, простуженный голос. Из первых рядов, растолкав соседей, вышел кряжистый мужик с поломанным носом и унтер-офицерской выправкой.

– Какое ружье, ваше высокоблагородие? И кто командовать будет? Офицеры ваши – гвардейские хлыщи, что пороха не нюхали?

Я смерил его взглядом с головы до ног, не скрывая насмешливого интереса.

– А тебя, мил человек, на каторгу не за дерзость ли отправили? – спросил я громко. – Уж больно ты смел, как я погляжу.

По толпе пронесся нервный смешок. Унтер не дрогнул.

– Так тебе смелые нужны, ваше высокоблагородие, али овцы покорные, чтобы блеяли в строю?

Вместо ответа я усмехнулся. Этот старый волк мне определенно нравился.

– Мне нужны именно такие, как ты. Смелые. А на твои вопросы отвечу. Ружья – английские «Энфилды». Командовать будут унтер-офицеры. А офицеры, – я обвел взглядом толпу, – офицеры прошли войну, а некоторые – и не одну.

И тут из задних рядов вышел худой каторжник с горящими глазами и заговорил с польским акцентом:

– Пан полковник! Мы сражались за свободу нашей родины! Вы идете помочь другим народам? Если это так – мы готовы пролить свою кровь за их свободу, как проливали за свою!

Это был прорыв. Прагматичный вопрос старого солдата и идейный порыв бунтовщика сломали лед.

– И меня запишите!

– Я пойду!

– К черту эту каторгу!

Люди ринулись вперед, к крыльцу, отталкивая друг друга, выкрикивая что-то, протягивая руки. Угрюмая, серая масса вдруг ожила, превращаясь в сотни отдельных, отчаянных судеб, ухватившихся за призрачный шанс.

Я смотрел на это начинающееся безумие. Затем медленно повернулся к начальнику острога. Он стоял рядом, бледный, с отвисшей челюстью, и в его глазах застыло полное, абсолютное изумление.

– Организуйте запись, господин полковник, – уже спокойно сказал я. – Отдельно – на работы. Отдельно – в солдаты.

Я спустился с крыльца и пошел к воротам.

– Но, ваше высокоблагородие... – залепетал он мне вслед. – Как же... без конвоя? Куда? Это же...

Я остановился.

– Они будут под *моим* конвоем, полковник. И на моем обеспечении. Ваша задача – подготовить списки и передаточные ведомости на тех, кто согласится. Всех. Отбор я проведу лично. И не стоит об этом сильно распространяться, кому надо тот знает, а лишний шум вреден, для дела.

Он кивнул, все еще не в силах поверить в происходящее.

Я пошел к выходу, не оглядываясь. За спиной ревел разбуженный улей – сотни голосов, в которых вместо привычной ненависти и отчаяния впервые за долгие годы зазвучала безумная, отчаянная надежда.

Февраль в Иркутске пролетел, как один лихорадочный, бесконечный день, спрессованный в тугую пружину ожидания. Колеса моих проектов, до этого лишь медленно проворачивавшиеся, теперь завертелись с бешеной скоростью. Из тюремного замка шли списки добровольцев, в контору Лопатина каждый день прибывали гонцы с донесениями, скрипели перья, составляя сметы и контракты на закупку провианта, фуража и сотен лошадей.

Я жил в этом вихре, разрываясь между тремя главными точками приложения силы.

Подготовка сруба возле поселка Евсея. Я вникал во все, обсуждал с Ольгой расположение комнат, заставляя Евсея переделывать планы.

Вторым делом точкой была глухая, еще скованная морозами тайга к северо-западу от Иркутска. На целую неделю мы с Загоскиным и десятком казаков ушли на рекогносцировку будущего маршрута Ангара-Ленской дороги. Это была тяжелая, изнурительная работа. Мы продирались сквозь бурелом, по колено вязли в ноздреватом снегу, ночевали у костров, слушая вой волков. Загоскин преобразился. Кабинетный мечтатель исчез, уступив место одержимому, азартному первопроходцу. С горящими глазами он размахивал теодолитом, доказывал преимущества одного ущелья перед другим. Я слушал его, остужая его пыл своим прагматизмом: «Здесь красивый вид, Михаил Васильевич, но слабый грунт, поплывет по весне». Это был спор двух творцов, рождающих из дикого хаоса природы стройную линию будущего стального пути.

Но главной точкой, центром моей вселенной, был тихий, теплый дом Лопатина. Ольга уже почти не выходила из своих комнат. Ее движения стали медленными, осторожными, живот заметно округлился. Иногда я возвращался из очередной поездки – усталый, пахнувший морозом и конским потом, – и молча опускался на колени у ее кресла, клал голову ей на колени и просто закрывал глаза. Это были минуты абсолютного покоя, то самое тихое, беззащитное счастье, ради которого я и вел все свои войны. Добывал, убивал, сражался, искал... И ради него же я вновь отправляюсь туда. За Амур.

А еще была работа со списками в солдаты, я внимательно читал и изучал карточки, разговаривал с каторжанами и принимал решения.

Понимая, что скоро мне придется уехать, я потратил несколько дней на поиски Иркутске специалистов. Я нашел известного в городе доктора, педантичного немца по фамилии Крафт, и лучшую повивальную бабку – Василису Петровну, строгую, но, по слухам, творившую чудеса вдову. Я лично говорил с каждым, заплатил им неслыханный по местным меркам гонорар вперед, взяв с них клятву, что до самых родов они ни на шаг не отлучатся из города и будут готовы явиться по первому зову. Мой главный тыл должен был быть под самой надежной защитой.

Так пролетел месяц. Сруб был заложен, предварительный маршрут дороги намечен, ядро моей будущей армии набрано из отброшенных обществом людей, а Ольга находилась под неусыпным присмотром.

Однажды вечером я стоял у окна, глядя на почерневший, тающий на улицах снег. Время вышло. Распутица вот-вот должна была превратить тайгу в непроходимое болото, а Ольга могла родить в любой день. Буря, к которой я так долго готовился, стояла на пороге. И именно в этот момент в комнату вошел взволнованный Лопатин.

– Прибыли, Владислав Антонович! На подходе к городу! Ваши офицеры и главный караван!

Глава 6

Караван вошел в Иркутск на закате. Огромные, крытые брезентом сани, проделавшие путь через всю Россию. Офицеры в заснеженных, жестких от мороза тулупах и бекешах спешили, слезали с саней, разминая затекшие ноги, их голоса и резкие команды наполнили город суетой.

Прихватив Соколова, я подъехал к заставе, когда они, стряхивая с воротников снег и спешили с лошадей. Морозный воздух наполнился говором, фырканием усталых коней и отрывистыми командами. Я видел их лица – обветренные, почерневшие от долгого пути, и глаза, в которых смешались усталость и нетерпеливое ожидание.

– Оставьте, полковник! – сказал я, когда полковник Гурко подошел для рапорта. – Вы проделали долгий путь! Сначала отдохните в человеческих условиях. Размещением людей займется ротмистр Соколов, – я кивнул своему «адъютанту». – Офицеров – в хорошую гостиницу. Унтер-офицеров и солдат – на постоянные дворы. Груз – под усиленную охрану здесь, на складах господина Лопатина. Всем немедленно организуют баню и горячую пищу. Совещание – завтра утром. А с вами, полковник, мы поговорим сейчас.

Через два часа я уже сидел в номере «Американской» гостиницы, который был снят для Гурко. Перед жарко натопленной печью стоял стол, на котором дымился чай и стояла нетронутая бутылка коньяка. Полковник, успевший смыть с себя дорожную грязь, выглядел посвежевшим, но утомление все еще сквозило в его глазах. Он не сидел, а стоял у стола, как на рапорте.

– Вольно, полковник. Садитесь, – сказал я, указывая на кресло. – Расскажите без формальностей, как дошли.

Он сел, но держался прямо, будто каждую минуту ожидал подвоха.

– Поход прошел спокойно, ваше высокоблагородие, без серьезных происшествий. Шли стараясь не привлекать излишнего внимания. Есть несколько обмороженных среди нижних чинов. Один болен горячкой, но доктор говорит, что выкарабкается. Лошади измотаны, но потери в конском составе компенсированы в пути. Груз, – он сделал едва заметную паузу, – доставлен в полной целостности и сохранности, под постоянной охраной.

– Хорошо, – кивнул я. – Людям – полный отдых. Три дня, пусть отоспят. Нам они понадобятся свежими, впереди тоже не простой переход.

– Слушаюсь, – коротко ответил он.

Затем я подошел к своему саквою, достал оттуда и разложил на столе большие, подробные карты Монголии и Маньчжурии. Лицо Гурко мгновенно стало жестким и сосредоточенным. Отдых кончился, началась работа.

– А теперь, полковник, к делу, – сказал я, беря в руки карандаш. – Завтра на совете мы обсудим это с остальными, но основной костяк плана вы, как мой заместитель, должны знать уже сейчас. Наша цель – здесь.

Карандаш опустился на точку, обозначавшую Силинцзы.

Гурко склонился над картой, внимательно изучая ее.

– Это укрепленное поселение в горной местности, которое уже принадлежит мне.

– Удобно и до границ России недалеко – процедил он сквозь зубы, будто перепроверяя мое решение. – Цель ясна, ваше высокоблагородие. Каков дальнейший стратегический замысел?

Ну что же, этого следовало ожидать – ему, как профессионалу, нужно было понимать всю глубину операции. И я был готов дать ему это понимание.

– Наш замысел, полковник, куда масштабнее, чем просто карательная экспедиция. Он состоит из трех этапов. Этап первый, тактический: мы берем под контроль Северную Маньчжурию. Укрепляемся в Силинцзы, создаем там нашу главную базу, занимаем всю Северную

Маньчжурию, подчиняем или уничтожаем местных князьков и пресекаем любое английское влияние в регионе.

Я выдержал паузу, потом мой карандаш прочертил длинную, дерзкую линию на юг, вглубь Китая.

– Этап второй, стратегический. Укрепившись на севере, мы начнем движение на юг. На соединение с повстанческими армиями факельщиков, которые сейчас действуют в провинции Шаньдун. Их сотни тысяч, но им не хватает организации, дисциплины и современного оружия. Мы дадим им все это. Наш отряд станет их стеновым хребтом.

Гурко не сводил глаз с карты. Я видел, как его мозг, привыкший мыслить дивизиями и корпусами, обрабатывает информацию, оценивает риски, расстояния, логистику.

– Поход на Пекин, – наконец, произнес он. Это был не вопрос, а вывод.

– Именно, – подтвердил я. – Этап третий, политический. Соединившись с факельщиками и остатками тайпинов, мы наносим удар по столице. Династия Цин, ослабленная восстаниями и Опиумными войнами, будет свергнута. Их самые боеспособные силы находятся сейчас далеко на западе, в Джургарии, подавляя восстание дунган. Китайцы, ненавидящие маньчжуров как своих вековых поработителей, с радостью отдадут трон своему соотечественнику – вождю факельщиков или любому другому. Нас же они будут встречать как освободителей, избавивших их от чужеродной династии.

Он поднял на меня взгляд. В его глазах не было удивления. Была напряженная работа мысли.

– А Маньчжурия? – тихо спросил он.

– А Маньчжурия, полковник, в этом случае окажется предоставлена сама себе. Новой китайской власти она не нужна – это земля их врагов. Священная родина маньчжурских императоров останется без защиты, без армии и без Пекина, который ее кормил. И тогда мы сможем взять ее, как переспелый плод.

Гурко слушал меня, и его лицо каменело. Когда я закончил, он выпрямился, и в его голосе прозвучало нескрываемое возмущение.

– Ваше высокоблагородие, позвольте! – он с трудом сдерживал себя. – Если я правильно вас понял, наш план заключается в том, чтобы помочь мятежникам свергнуть их законного правителя, императора! Мы, офицеры, присягавшие Государю, будем способствовать бунту и хаосу. Разве это может соответствовать интересам Российской Империи?

Я ожидал этого вопроса. Это был естественный протест честного солдата, привыкшего мыслить в категориях «законная власть – бунтовщики».

– Сядьте, полковник, – сказал я спокойно. – Давайте разберемся в терминах. Во-первых, что такое «законный правитель»? Маньчжурская династия – это такие же «законные» правители для Китая, как когда-то Золотая Орда была для Руси. Это чужаки, узурпаторы, захватившие процветающую страну двести лет назад, пролившие море крови и доведшие ее «до ручки». Сегодня этим так называемым «государством» помыкают все, кому не лень. В первую очередь – англичане. Цины давно утратили всякую легитимность. Их власть держится не на любви народа, а на насилии и слабости. Мы не будем свергать «законного монарха». Мы поможем огромной стране избавиться от иноземного ига.

Я подошел к книжному шкафу, стоявшему в углу номера, и постучал костяшками пальцев по корешку томика с биографиями великих завоевателей.

– Скажите, полковник, вы знаете, кто такой Эрнан Кортес?

Гурко, удивленный вопросом, коротко кивнул.

– Так вот, Кортес, со своим крошечным отрядом испанцев, был лишь искрой. Пожар устроили шестьдесят тысяч индейцев-повстанцев, которых он повел на штурм Теночтитлана, устав от кровавого ига ацтеков. Он не завоевал Мексику, полковник. Он возглавил мятеж, свергший «законного» Монтесуму.

Я выдержал паузу.

– А Франсиско Писарро, знаете?

Снова молчаливый кивок.

– Та же самая история. Его горстка конкистадоров была лишь острием копья. Древко же составляла огромная армия мятежных инков, ненавидевших своего императора. Писарро не завоевал Перу – он помог одной части инков вырезать другую, и на этом пепелище построил новую власть.

Я вернулся к столу и посмотрел ему прямо в глаза.

– А кем, позвольте спросить, был наш Ермак Тимофеевич? Разбойник, предводитель частной армии. И он сверг «законного» хана Кучума, который, к слову, и сам был узурпатором, захватившим власть в Сибирском ханстве силой. Который сначала присягал нашему царю на верность, а потом отказался от этой присяги, когда ему стало выгодно.

Я снова замолчал, давая ему осознать ряд этих имен.

– Все эти люди, полковник, не были благородными рыцарями. Они были прагматиками. Они видели слабость одной власти, ненависть к ней другой – и использовали это, чтобы вписать свои имена в историю, на благо своего Отечества. То, что происходит сейчас в Китае – это наш шанс. Наш исторический шанс вскочить в последний вагон этого уходящего поезда. Иначе на наше место придут англичане. Они никогда не упускают таких возможностей.

Я налил ему коньяку, затем себе.

– Ну ладно, хватит уже этого бонапартизма. Что мы все о нас да о нас? Давайте поговорим об интересах России. Главный наш интерес, полковник, – это полное и безоговорочное устранение английского влияния на наших границах. А теперь скажите мне, сколько «законных» династий и сколько «легитимных» навабов и махараджей англичане свергли, утопили в крови и стерли в порошок, чтобы подмять под себя Индию? Не перечить. Они не останавливаются ни перед чем, если речь идет о выгоде Британской короны. Отчего мы должны действовать иначе и играть в благородство с шулерами, которые держат крапленые карты в каждом рукаве? Вы представляете, что случится, если Китай станет такой же Индией, полностью подконтрольной англичанам? И все это – прямо у нас под боком?

Гурко молчал, сжимая в руке нетронутый стакан.

– И наконец, в-третьих, – я сделал глоток, – давайте представим, что будет после того, как мы реализуем свой замысел. Огромный, хаотичный Китай займется своими внутренними делами. Англичане будут посланы в известном направлении – китайцы не забудут им ни опиумной торговли, ни опиумных войн. Зато мы, русские, будем там желанные гости. Не удивлюсь, если вам, например, они дадут пост военного министра. А в Маньчжурии, на севере, на руинах цинской власти, возникнет новое государство. Без британских советников, без коррупции пекинских чиновников. Под нашим, разумеется, просвещенным покровительством. Государство с европейскими порядками, с которым можно будет торговать, заключать договоры. Нормальное, приличное государство, которое даст нам незамерзающие порты, огромное количество продовольствия, территорию для прокладки железной дороги до Владивостока, и будет служить надежным буфером между Россией и непредсказуемым азиатским котлом. Вот каковы истинные интересы Империи, полковник.

Он молчал несколько долгих секунд, глядя на карту. Потом кивнул, словно приняв для себя какое-то важное решение.

– Это... трудно понять и принять, ваше высокоблагородие. Я бы даже сказал – безумный план в своей дерзости. Но он логичен, я понимаю его цели и свою задачу!

– Превосходно, – с облегчением выдохнул я. Теперь, когда удалось убедить полковника в легитимности нашей затеи, дальнейшая задача представлялась совсем несложной. Пора было переходить к следующим пунктам.

– Теперь о составе наших сил. Помимо вас военных, и вольнонаемных казаков, будут и люди, которых я набираю здесь, в Иркутске. Это... – я сделал паузу, обводя подбирая как можно более обтекаемое выражение, – ...бывшие каторжники и ссыльнопоселенцы.

Лицо полковника тут же окаменело. Определенно, Гурко не улыбалась перспектива вести в бой забубенную публику. Я видел это по тому, как напряглось его лицо, как он чуть подался вперед.

– Владислав Антонович, – его голос был тихим, но твердым, как гранит. – Я должен вам доложить. Среди господ офицеров такое известие создаст серьезное беспокойство. И я... я разделяю его. Нас учили вести в бой солдат, присягнувших Государю. А вы предлагаете нам возглавить... сброд. Воров, убийц, бунтовщиков. Это подрыв всех устоев армии. Это оскорбление офицерской чести!

«Ну что же, зато откровенно» – подумал я, глядя на набычившегося Гурко.

– Я ценю вашу прямоту, полковник, – ответил я совершенно спокойно. – Давайте и я буду с вами предельно откровенен. Мне плевать на их прошлое. И на вашу оскорбленную честь – тоже.

Он вздрогнул, но я не дал ему ответить.

– Меня интересует только одна задача которую поставил передо мной Император! А теперь подумайте: кто будет драться яростнее? Гвардеец, мечтающий вернуться на бал в Зимний дворец? Или человек, у которого за спиной нет ничего, а впереди – единственный, последний шанс вырвать у судьбы свободу или умереть достойно?

Гурко покачал головой с видом, «Ну на меня может и наплевать, а что скажут другие офицеры?». Я продолжал насаждать:

– Взять Пекин, командуя Гвардейским корпусом – невелика заслуга. А вы попробуйте сделать это с *ними*. С теми, кого вы списали со счетов. Вот в этом, полковник, и заключается настоящее военное искусство, а не в умении шагать на парадах. Создать армию из праха и отчаяния. В Писании есть хорошие слова: «Камень, который отвергли строители, встанет во главе угла». Так вот, именно из этих «отвергнутых камней» мы и будем строить новую Россию на Востоке.

Он молчал, сжав челюсти. Аргументы были сильны, но я видел, что не сломал его внутреннее сопротивление. Его мир, мир сословий и чести, трещал по швам, но держался. Что ж... придется идти до конца.

– Давайте будем реалистами, – мой голос стал мягче, почти доверительным. – Если бы у нас был выбор, я бы и сам предпочел ветеранов-гренадеров. Но у нас его нет. Забудьте о гвардии. Нам предстоит воевать с тем, что есть под рукой. Других солдат у меня для вас нет! – Я усмехнулся. – Увы, Семеновский полк государь мне не доверил, велел оставить в Петербурге. Хотя и он, говорят, когда-то славно бунтовал.

Эта историческая шпилька, казалось, немного разрядила обстановку.

– К тому же я каждого проверял и отбирал, там разные люди, но откровенных негодяев там нет.

Я вернулся к столу, сел напротив него и посмотрел ему прямо в глаза.

– Я понял вас, ваше высокоблагородие. Приказ будет исполнен.

Больше к этому вопросу мы не возвращались.

Убедившись, что бунт подавлен в зародыше, я перешел к конкретным приказам.

– На вас, как на самом опытном, боевая подготовка. Вы назначаетесь командиром отряда, Чернов – ваш заместитель. Корнета Скобелева рекомендую взять адъютантом.

Я снова повернулся к карте.

– Времени у нас нет, полковник. Я хочу достичь границы еще по снегу, чтобы довести без помех и оружие, и динамит. Поэтому надо все тщательно продумать. Первое и главное – боевая подготовка. Новобранцев нужно превратить в солдат. Жестко. Беспощадно. Чтобы через

месяц они по команде шли в огонь и воду. Задействуйте всех наших унтер-офицеров, назначьте ответственного офицера, будет для них тренировка. Кто у вас лучший по муштре? Из тех, кто умеет из мужика солдата сделать, а не только на парадах шагать?

Гурко, мгновенно переключившись на привычную работу, ответил без заминки.

– Баранов. Служил в гренADERAX, прошел Крым. Зверь, а не службист. Муштрой душу вынет, но и воевать научит. Поручу ему унтер-офицеров. Он справится!

– Отлично, – я сделал пометку на листе бумаги. – Особое внимание – стрелковой подготовке. Они должны уверенно попадать с трехсот шагов в ростовую фигуру. Теперь второе – пополнение. Мне нужны люди. Нужно организовать постоянный поток вольнонаемных рекрутов – в том числе и для того, чтобы присматривать за нашими «забубенными». Короче, мне нужен человек, который останется в Иркутске и станет нашими руками здесь. Так как и оружие и припасы и многое другое нам может понадобится.

Гурко нахмурился, обдумывая.

– Есть такой. Капитан Орлов. Из-под Варшавы. Участвовал в подавлении мятежа, испачкать руки не боится. Немного словен, исполнительен. Приказы не обсуждает. И при всем при том – умеет говорить с разными людьми!

– То, что нужно, – согласился я.

– Есть, – коротко ответил Гурко.

– Третье. Вольнонаемные и безопасность, – я загнул третий палец. – Мне нужен человек, который займется вербовкой казаков, отставных солдат, охотников.

На этот раз Гурко даже не задумался.

– Тут, очевидно, подойдет унтер-офицер Соломенцев, – твердо сказал он.

Я вопросительно поднял бровь.

– Унтер?

– Он из-под Оренбурга, умеет говорить по-башкирски. Служил в казачьих частях, – пояснил полковник. Идеальный кандидат.

– Согласен, – кивнул я. – Разу умеет по-башкирски, то и с бурятами сможет объясниться. Это очень удачно! Ну все, основные задачи распределены. Завтра на совете просто доведете их до сведения офицеров. Еще момент – лошади. Мои офицеры не будут ездить на клячах. Организуйте закупку строевых коней, каких только можно найти в Иркутске и окрестностях. Деньги я выдам. И проследите, чтобы каждому была выдана круглая сумма на подъемные. Я хочу, чтобы они думали о службе, а не о том, где достать денег на новую амуницию. Это ясно?

– Так точно, ваше высокоблагородие, – ответил Гурко, и в его голосе я услышал уважение к командиру, который думает не только о стратегии, но и о своих людях.

– И последнее на сегодня, полковник. Нам нужен лагерь в стороне от города. Чтобы зеваки не глазели, а у наших «орлов» не было соблазна сорваться в ближайший кабак. Там и будем тренировать наших, хм, конкистадоров... И это очень срочно!

На следующий день привели группу новобранцев из тюремного замка. Пятьдесят человек – угрюмые, оборванные, бритые, со взглядами затравленных волков. Я видел, как поморщились стоявшие на крыльце офицеры.

Но тут же вперед вышли суровые, закаленные в баталиях унтера из команды Гурко. Раздались первые команды, резкие, как выстрелы.

– Ста-но-вись!

– Равняйся! Смирно!

Хаотичная, переминающаяся с ноги на ногу толпа начала неуклюже, со скрипом, размыкаться, выстраиваясь в подобие строя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.